

Лин Яровой

ПРОГУЛКИ по ЛУННЫМ ДОРОГАМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лин Яровой

Прогулки по лунным дорогам

«Автор»

2017

Лин Яровой

Прогулки по лунным дорогам / Лин Яровой — «Автор», 2017

Юре Полянскому двадцать лет и он любит девушку, которой не существует. Два года черноволосая ведьма приходит к нему в осознанных снах, а её призрак мерещится и в реальности. Язвительная и всезнающая – она поселилась в сознании Юры, и с тех пор каждый день говорит с ним, следуя за левым плечом. Она – спутница, невидимая для окружающих, и всё, о чем Юра мечтает, – это подарить ведьме жизнь. В поисках мифического Рецепта, что сделает из возлюбленной человека, Полянский отправляется в путешествие. Он едет автостопом, сам не зная куда, ведомый загадочной фразой, услышанной в сновидении: «Иди по лунной дороге на запад». Оставляя за спиной город за городом, Юра ловит попутки и встречает в дороге новых друзей. А ночью, когда в небе светит луна, путешествие продолжается в мире снов. Именно там скрыты ответы на главные вопросы. Чего хочет черноволосая? Откуда она пришла? И почему ведьме известны все мысли и страхи Юры – даже те, о которых он сам ещё не догадывается? Содержит нецензурную брань.

© Лин Яровой, 2017

© Автор, 2017

Содержание

Прогулки по лунным дорогам	5
Часть 1. Полет над Сибирью	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лин Яровой

Прогулки по лунным дорогам

Прогулки по лунным дорогам

Я помню, как лежал в колыбели, и голос отца – низкий, спокойный, серебряный, – лился издалека. Он плыл по воздуху. Сквозь темноту. Заполнял собой медленный тягучий мир.

Отец в этом мире был таким высоким, что дотягивался до небес рукой. словно Господь он зажигал звёзды над моей кроватью. Пятиугольные, светящиеся – звёзды не были похожи на настоящие. Отец развешивал их на невидимых нитях, и говорил о том, что со временем ночь перестанет пугать меня.

– В детстве, – говорил он, – все мальчишки боятся темноты. Боятся, что в их сны прокрадётся ведьма из сказки, но, повзрослев, начинают об этом мечтать. Вот увидишь, сын, однажды ты пойдёшь за ней, и сам не заметишь, как прогулка превратится в путешествие длиной в жизнь. Темноглазая заманит тебя на край света тысячу раз, и увидев её однажды во сне, ты навсегда потеряешь покой. И пусть сейчас тебе страшно. Очень скоро это изменится.

Отец говорил спокойно и тихо. Он всегда говорил правду, но той ночью невольно ошибся. Я не был испуган, хоть в тёмном углу и видел силуэт женщины. Она была черноволоса и высока. Даже выше отца.

Гостья смотрела на меня, как на добычу. Её пурпурное платье сияло бледно-голубой дымкой. Улыбнувшись, ведьма проплыла по воздуху к колыбели. Нависнув, взяла мою крохотную ладонь и тихо произнесла:

– Здравствуй, хранитель. Слушай голос и учись видеть сны. Нам предстоит долгая прогулка на запад.

А потом улыбнулась. Качнула колыбель. Игрушечные звезды закружились в хороводе, и началась жизнь.

Отец вздрогнул и обернулся. Окинув комнату взглядом, вновь склонился надо мной, и прошептал на ухо:

– Кажется, у нас гости... Но ты не бойся всматриваться в темноту. Однажды в ночи зародится серебряный свет, мрак расступится, и все тайны мира вдруг раскроются перед тобой. И тогда ты узнаешь, как непредсказуемо бывает наше с тобой путешествие.

Почти двадцать лет прошло с той лунной и звёздной ночи. Отец ушёл из мира, но эхо его слов навсегда сохранилось в памяти.

И вот сегодня, теплым весенним утром, случилось то, о чём он предупреждал меня ещё в детстве. Началась моя долгая прогулка на запад.

Часть 1. Полет над Сибирью

Я прошёл мимо зеркала и не заметил в нём отражения. Это не показалось мне странным – даже наоборот, немного порадовало. Ведь, если нет отражения, значит, нет и меня. А если нет меня, то нет и копны светлых волос, вечно торчащих во все стороны на макушке. Получается, судьба позволила не расчёсываться.

Когда я закурил на балконе и не ощутил слабости после первой утренней сигареты, то тоже не удивился. Все эти мелочи были так незначительны, ведь сегодня – особенный день. Сегодня я, наконец, решился.

Электронные часы на запястье странно мерцали, но время показывали точно. Шесть утра. Самое время, чтобы выпить чашку крепкого кофе. Не глядя по сторонам, я накинул рубашку, прошёл на кухню и открыл дверцу шкафчика. Варить нормальный напиток было лень, поэтому я решил обойтись растворимым.

– Доброе утро, Юра, – прозвучал бархатный голос за спиной.

Банка с кофе едва не выпрыгнула из рук. Чёрт. К этому невозможно привыкнуть.

– Привет, – буркнул я, повернувшись к девушке. – Обожаю твою тактичность.

Она сидела, облокотившись на угол кухонного дивана, вызывающе вытянув ноги. Кружевной верх одного из чулок выглядывал из-под чёрной юбки, а фиолетовая рубашка расстегнулась на несколько пуговиц – до той самой границы, что не позволяла интриге превратиться в пошлость. Мириам игралась с локонами, и темные волосы каскадом лились по тонким плечам. На вид подруге было около двадцати, но ни для кого из нас не составлял секрета её реальный возраст.

Мириам странно улыбнулась и взглянула с хитринкой в глазах.

– Как самочувствие?

– Вроде неплохо, – пожал я плечами. – А с каких пор это тебя волнует?

Я достал кружку. Глазами поискал чайник, но на привычном месте его не оказалось.

– Значит, всё в порядке? – вновь спросила девушка.

– Ну да, говорю же. Не видела чайник?

– Нет, – Мириам покачала головой. – А ты не помнишь, когда надел джинсы?

Я задержал взгляд на девушке. Что это с ней сегодня? Задаёт странные вопросы. Джинсы... какие к чёрту джинсы? Ну вот они – на мне.

Стоп.

А ведь и правда. Не помню, чтобы надевал что-то, кроме рубашки. И часы на руке... Всегда снимаю их, когда ложусь спать.

– Так что с ощущениями? Может, странные вибрации? – продолжала играть Мириам.

Догадка шевельнулась в голове. Я зажал пальцами нос, как ныряльщик, и глубоко вдохнул. Воздух беспрепятственно прошёл сквозь преграду, чего по законам физики произойти не могло.

Всё понятно. Я сплю.

– Умница, – поаплодировала подруга, – залезай обратно и собирайся. Иначе придётся ползти по пробкам. До встречи.

– Чтоб тебя разодрало. А нельзя что ли сразу...

Мириам исчезла. Это было в её стиле.

Выругавшись, я вернулся в комнату, где обнаружил себя мирно спавшим в кровати. Моё тело лежало на спине, словно окаменевшее, и лишь едва заметно приподнималась грудь.

Помнится, когда в детстве я первый раз увидел такую картину, то подумал, всё – конец. А потом ничего, привык. Внетелесные путешествия мне даже понравились, но сегодня на них не было времени. Сегодня ждала дорога.

Подпрыгнув, я пролетел пару метров по воздуху, завис над кроватью, и затем плавно опустился в тело.

* * *

Открыл глаза. Первым делом зажал нос и попытался вдохнуть. Не смог. Отлично. Значит, проснулся по-настоящему.

Присев на кровати, я уставился в пол и просидел так несколько минут, бездумно рассматривая узор линолеума. В голове крутились бессмысленные образы, а тело требовало, чтобы я плюнул на всё, лёг обратно в постель и укрылся тёплым одеялом. В левой ноге затихали вибрации – казалось, будто сквозь мышцы пропустили электрический ток, но боли я не чувствовал. Так часто бывало, когда сознание ещё плавало между сном и бодрствованием. Я знал, что если сейчас лягу и закрою глаза, то уже через пару минут вновь окажусь в сновидении.

Растёр ладонью опухшее лицо и громко зевнул. Наспех заправив кровать, поплёлся в ванну – решил привести себя в чувство.

Принимать контрастный душ не входило в мои планы, но дешёвая сантехника плевать хотела на чьё-то мнение, и сама решала в каких пропорциях смешивать горячую и холодную воду. Стоило повернуть кран на пару лишних миллиметров, и лёд превращался в кипяток. Нормально помыться не удалось. Зато сон как рукой сняло.

Честно говоря, я намерено растягивал утренние процедуры. Решимость и уверенность в собственных силах вдруг куда-то исчезли, стоило привести мысли в порядок.

Мокрый и посвежевший, опоясавшись полотенцем, я стоял в коридоре, и, неспешно попивая утренний кофе, разглядывал пухлый рюкзак. Он был собран ещё неделю назад. С того момента я, наверное, раз десять перебирал его содержимое – что-то докладывал, что-то вытаскивал. Счёт шёл на граммы, и потому каждая вещь подвергалась жёсткому цензу. Полезность, удобность, незаменимость – вот главные критерии, сформировавшие мой багаж.

Взял рюкзак за верхнюю ручку и приподнял на пару сантиметров. Тяжеловато. На спине, конечно, будет проще, но ведь и носить его придётся постоянно. Может выкинуть ещё пару вещей? А что именно? Я и так урезал снаряжение, даже палатку не взял. Только спальник и маленькую надувную подушечку.

– «Подушечку» – какие щенячьи милости, – шепнула Мириам над самым ухом.

Я подпрыгнул на месте и подавился кофе. Затем выругался – грязно и в несколько этажей, как автослесарь, которому на ногу свалился домкрат.

– Мэри, твою мать! Можно не так неожиданно?!

Она обошла вокруг и, нахмурившись, легонько щёлкнула пальцем по моему носу.

– Не называй меня этим мерзким словом. Мэ-э-эри. Фу! Как будто рахитная овца умоляет добить её.

Девушка помолчала немного, играя с локонами, и взглянула на меня с ожидающим видом. Я промолчал и прикинулся, будто не понимаю, какие слова она хочет услышать.

Девушка не выдержала:

– Мы сегодня поедем?

– Поедем. Дай минут тридцать.

Мириам сделала шаг вперёд и заглянула в мои глаза. Не знаю, что она там увидела, но игривая улыбка вдруг исчезла. Запахло грозой.

– Какой же слабак.

– Что?

– Ты – слабак. Безвольный тюлень. Чёрт, скорее мёртвый выйдет из гроба, чем ты из квартиры!

– Мириам...

– Неужели за два года ты так и не понял? Тебе никогда не обмануть меня.

– Мириам...

– «Ох, как не хочется куда-то ехать. Может забить на всё? Я ведь и так могу трахать её во снах, зачем искать Рецепт?»

– Мэри...

– Не надо. Меня. Так. Называть. – отчеканила девушка. – Думаешь, если создал меня, можешь давать клички, как животному? Питомца себе завёл? Собачку? Ну конечно, это же так удобно! Собачка Мэри никуда не денется от хозяина! Когда хозяину скучно, Мэри развлечёт его. Когда хозяин поругается с мамочкой, Мэри выслушает и успокоит. Когда хозяину плохо, Мэри согреет и приласкает. Мэри – безмозглая породистая сучка.

– Хватит!

– Да, давай! Дрессируй! «Фу, Мэри! Мне не нравится твоё поведение! Плохая девочка!»

– Мириам...

– Запомни раз и навсегда, Полянский. Пусть я чёртова галлюцинация, пусть я не могу вырваться за пределы твоей фантазии, но я тоже *чувствую*. Понимаешь ты это, нет? Да, скорее всего, никакого Рецепта не существует, и его поиски изначально обречены. Я могу смириться с этим. Но я никогда не позволю относиться к себе, как к эзотерическому развлечению. Поэтому будь добр, найди в себе хоть каплю ответственности. Если начинаешь поиск, если даёшь надежду, не бросай всё на полпути...

– Послушай...

– ...потому что я не собачка Мэри. Меня зовут Мириам Ларейн де Рев и я – живой человек!

– Да выслушай ты меня, истеричка гребаная!!!

Кружка с кофе полетела на пол. Мириам на секунду опешила, и я воспользовался возникшей паузой, чтобы перехватить инициативу. В груди полыхал пожар.

– Мало того, что ты бесцеремонно влезаешь в мои мысли, так ты ещё и неправильно их толкуешь! – злился я. – Да, я сомневаюсь! Да, боюсь! А ты как думала? Думала, будет иначе? Да никогда в жизни я не делал ничего подобного! Ехать туда, не знаю куда. Искать то, не знаю что. Я не сказочный персонаж, которому плевать на трудности. Я тоже живой человек, и я тоже чувствую! И да, мне может быть страшно. Но, чёрт возьми, Мириам... Мои мысли – не мои действия. Я не хочу никуда ехать, меня пугает неизвестность. Но я поеду! Несмотря на мозг, который кричит: «Брось всё! Ты не найдёшь Рецепта!» Несмотря на здравый смысл, я возьму этот рюкзак и выйду на дорогу. Только дай мне тридцать долбанных минут, чтобы присесть и ещё раз всё обдумать. Прошу, Мириам... Всего тридцать минут.

Девушка прикусила губу и опустила глаза. Надо же... Мэри отводит взгляд – не каждый день такое увидишь. Видимо, тирада попала точно в цель.

– Полчаса и не минутой больше, – сказала она уже спокойным, хоть и слегка охрипшим голосом.

– Обещаю, моя собачка, – улыбнулся я.

– Еще слово, и я тебя убью.

– Правда? Каким образом?

Мириам сделала пируэт и, оказавшись за моей спиной, прошептала на ухо:

– Если через полчаса твоё тело не окажется на улице, клянусь, я вспомню самую противную песню и буду вновь и вновь напевать её у тебя в голове. Без остановки. Ты не сможешь спать, и через неделю умрешь от истощения.

– Я понял. Тридцать минут... Фашистка.

Она тихо засмеялась за спиной, а через мгновение в комнате я был уже один. Мириам исчезла так же незаметно, как и появилась. Что с неё взять? Ведьма.

Если бы кто-то увидел меня в те минуты, то наверняка бы вызвал врачей. Ещё бы. Парень кричит на кого-то в безлюдной квартире, ещё и кружками в стены кидается. Именно поэтому я всегда старался обходить кабинет психиатра за пару километров. Наверняка, этот сноб в белом

халате, не задумываясь, поставил бы мне диагноз – простая шизофрения. А Мириам назвал бы комплексной галлюцинацией. Не спорю, вполне возможно, что так оно и есть. По крайней мере, это одно из объяснений того, кто же такая Мириам Ларейн де Рев.

Каждый день я спрашивал у себя: кто она на самом деле? И каждую ночь находил новый ответ.

Психотерапевты сказали бы, что Мириам – это анима: архетип души, образ идеальной женщины, сложившийся под влиянием жизненного опыта. Подобный образ несёт в себе каждый мужчина, и разница лишь в том, насколько глубоко анима спряталась в густом тумане бессознательного.

Тибетские монахи сказали бы, что Мириам – это тень: материализованное воплощение мысли, дух-помощник, созданный человеческим воображением. Такой дух знает о своём создателе абсолютно всё. Мечты, страхи, тайные желания, давно забытые воспоминания – для тени это открытая книга. Неотделимая от личности создателя, тень вместе с тем проявляет индивидуальность и стремится доказать свою независимость.

Эзотерики сказали бы, что Мириам – это союзник: неорганическое существо, воплощённое знание, принявшее форму прекрасной девушки. Союзник нематериален, он не способен действовать сам по себе, поэтому стремится соприкоснуться с человеком и влиять на него. Встреча с ним опасна для неподготовленного, ведь союзник несёт с собой огромную силу, способную разбить сознание на тысячи хрустальных осколков.

Большинство же скажут, что Мириам – это демон. Дух-искуситель, который манипулирует человеком, играя на его слабости и наделяя иллюзорной силой. Он притворяется другом, исполняет желания, но всё это время мечтает лишь об одном – украсть душу наивной жертвы.

Какая из этих версий верна? Не знаю, может быть все сразу. В конце концов, люди частенько придумывают десятки слов для одного и того же явления, чтобы профессорам в их душных аудиториях было о чём поспорить на досуге. Многие науки построены лишь на таких дискуссиях без цели и смысла.

А может, не прав никто, и Мириам – это что-то божественное: непостижимая вечность, бесконечный хаос и основа самого мироздания. Кто знает?

Я верю лишь одному человеку. И этот человек – девушка со странным именем Мириам Ларейн де Рев. Самая удивительная в моей жизни.

Она появилась два года назад в первую весеннюю ночь. В одном из осознанных снов я вдруг потерял контроль и в ту же секунду оказался внутри сужающегося кольца беспросветной сосущей тьмы. Если вы когда-нибудь испытывали состояние сонного паралича, когда, проснувшись, невозможно пошевелить даже пальцем, а вокруг со всех сторон смотрят чёрные отвратительные создания, то вы легко сможете представить тот всепоглощающий ужас, что охватил меня в ту секунду. И когда тёмные силуэты уже протягивали ко мне кривые когтистые лапы, темноту вдруг разрезал луч ослепительного бледно-голубого света. И я увидел Мириам. Вихрь чёрных волос, белая кожа, правильные, чуть заострённые черты лица. Гипнотизирующий взгляд иссиня-тёмных глаз. Ступая по серебру лунного света, она спустилась ко мне из древних преданий – загадочная, неземная, похожая на древнегреческую Селену, богиню Луны. Короткое пурпурное платье лилось вдоль совершенных изгибов её тела, ореол холодного сияния окружал её фигуру. Тьма расступилась, кошмарные твари разбежались с визгом, и я оказался посреди бескрайнего спокойного моря, стоя на полоске лунного света. Наедине с той, чей образ так давно манил и мучил меня, оставаясь недоступным, как позабытый сон поутру. Она стояла передо мной и смотрела с усмешкой на губах, так, словно мы были знакомы уже сотню лет.

– Ну вот мы и встретились, Юра, – прозвучал бархатный голос, от которого по телу пробежали мурашки, – меня зовут Мириам Ларейн де Рев. И теперь я всегда буду рядом.

Ответить я не успел. Переполненный радостью и восхищением, проснулся и, как идиот, около часа лежал в кровати, не в силах сдержать улыбку. Затем, когда эмоции поутихли, в груди появилась тревога. А что, если я её больше не увижу? С чего я вообще взял, что Мириам – это не сонное наваждение? Весь день я проходил, словно в тумане, с шемящей тоской под сердцем и, ложась спать, почти не верил, что Мириам вновь явит себя. Тем больше был мой восторг, когда, выйдя из тела, увидел её сидящей в кресле рядом с кроватью.

После этого было многое. И сладострастные ночи, какие могут случиться лишь в хрупком королевстве сновидений, и штормовые ссоры, наполненные криками и разрывами ослепительных молний. Но главное, что произошло за эти годы – это переход Мириам в реальный мир. Долгие медитации, практики, концентрация – и, наконец, я смог видеть её, не погружаясь в сон. Но этого всё ещё недостаточно...

Поиски, в которые я отправляюсь – лишь крупица, самое малое, чем я могу отплатить за дары, преподнесённые мне Мириам. За эти годы она стала самым близким другом – той, кто наполняет светом и желанием жить.

К чертям предостережения мудрецов и священников. Я знаю, Мириам всегда желала мне добра, пусть и действовала чуть бесцеремонно. Если бы не она, сомневаюсь, что я, вообще, пережил бы эту весну. Удивительно, как много бед может свалиться на человека всего за два месяца...

Нет, не хочу об этом думать. Мириам права – пора отправляться в дорогу.

* * *

Собрался я на удивление быстро. Да и что там собирать, рюкзак-то уже готов. Сигареты, телефон да немного денег – вот и вся ручная кладь.

Я замкнул дверь на несколько оборотов и вдруг остановился. Надо же... Это так странно – понимать, что теперь увидишь свою комнату совсем не скоро. А может и вовсе – не увидишь никогда. Кто знает, куда повернёт дорога? Кто знает, где буду уже завтра?

Вышел на улицу и прищурился от брызнувших в лицо лучей солнца. Погода радовала. Тепло, уютно – настоящий майский денёк. За ночь ветер разогнал городской смог, и над головой сиял голубой купол безоблачного неба.

Всё-таки, подумал я, утренний Красноярск – прекрасен. Примерно до половины восьмого. Потом машины забьют собой улицы и намертво застрянут, превратив город в огромного шумного монстра. Поэтому я и встал так рано, хотел добраться до окраины, не увязнув в пробках.

До остановки было недалеко. Через пять минут я уже сидел на скамейке под пластиковым козырьком и неторопливо курил, выискивая в потоке машин зелёный прямоугольник нужного мне автобуса.

Автобус не спешил появляться, и была ещё пара минут, чтобы всё хорошенько обдумать. Странное ощущение не отпускало с самого пробуждения – я никак не мог поверить в реальность происходящего. Неужели и вправду сейчас уеду? Просто так, никого не предупредив, сорвусь за сотни километров от дома? В кармане жалкие три тысячи «деревянных», в рюкзаке самый минимум вещей. Я даже маршрут толком не составил, было лишь направление.

«Иди по лунной дороге на запад».

Вот и всё, что мне известно. Короткая фраза от немногословной Минервы – единственный ключ к поискам Рецепта. Всё это могло показаться бессмысленным бредом из сновидения. Но с недавних пор я переоценил важность непонятных, запутанных образов. Кроме того, Минерва, мудрый советник из снов, ещё никогда не давала бесполезных рекомендаций. Пусть они были редки и крайне расплывчаты, но стоило их расшифровать, как всё становилось на свои места, скрытые двери открывались и тайные знаки приобретали смысл. О том, как сделать первый шаг, перенести образ Мириам в реальность, тоже поведала она.

И всё-таки? На запад – расплывчатое понятие. Что ещё страшнее, это может оказаться метафорой, и тогда поездка изначально бессмысленна. Куда, спрашивается, еду? В конце концов, не на лёгкую прогулку вышел. Рецепт – это, конечно, здорово, но бытовые проблемы никто не отменял. Придётся ночевать под открытым небом, искать деньги на еду и сигареты, умудряться как-то мыться и стирать вещи, чтобы не стать похожим на бомжа, которого ни один водитель не подберёт. А если заболею? Лекарств с собой почти не брал. Так, по мелочи: пара бинтов, йод, пачка парацетамола и одна упаковка с порошками, помогавшими при расстройстве желудка. Взять последнее настоятельно советовали бывалые автостопщики, наученные горьким опытом посиделок в придорожных кустах. Ну хорошо, представим, выпил я этот порошок, закусил парацетамолом и обмазался йодной сеткой, а дальше что? Как это поможет мне от... не знаю даже... о!.. от клещевого энцефалита?! Господи, боже мой, точно! Ещё же чёртовы клещи! На дворе май, а значит впереди самый разгул этой заразы.

Я ещё мог отказаться от безумной затеи. Вернуться домой, разобрать рюкзак и забыть навсегда про эту авантюру. Ну серьёзно, какой автостоп? Какой запад?

– Даже не смей, Полянский, – шепнула в голове Мириам. – Твой номер идёт.

Из-за поворота и впрямь показался зелёный автобус с нужной цифрой на табличке. Протиснувшись через поток машин в крайнюю правую полосу, он остановился напротив остановки. С лёгким постукиванием раскрылись двери, приглашая внутрь.

Почему-то я даже не задумался. Казалось, автобус всё решил сам. Лишь поудобнее перехватив рюкзак, я в лёгком прыжке заскочил на ступеньку.

Двери закрылись, и мы поехали по маршруту к окраине города.

Пассажиров почти не было. На заднем сидении дремал мужик, забавно раскрыв рот, а в середине салона две старушки увлечённо обсуждали свои вечные проблемы – пенсию, поликлиники и потерянную молодёжь. Ко мне подошла внушительного вида кондукторша. Отсыпав ей монет за проезд, бухнулся на свободное сидение, воткнул наушники и уставился в окно.

Мимо проплывали знакомые улицы. В плеере играло радио. Шла утренняя передача, и между песнями ведущая по имени Таня желала всем доброго утра и всячески настраивала народ на позитив.

– Ещё раз привет всем, кто давно с нами, и тем, кто только-только поймал волну. Всем вам искренние лучи добра! – задорно вещала она. – Вы только взгляните, какое утро. За окном цветёт и поёт весна. Впереди у нас целых три выходных, а значит: есть время, чтобы выбраться с друзьями на природу, погулять по парку с любимыми, встретиться с дальними родственниками. Не теряйте эту возможность. Радуйтесь каждому мгновению, открывайте новые горизонты, ищите счастье, в конце концов! С вами всегда ваше радио «Армстронг», оставайтесь с нами. Мы делаем шаг навстречу светлому будущему.

Я невольно улыбнулся: звонкий, даже немного детский голос девушки заряжал жизнерадостием. На душе потеплело, дурные мысли отошли на второй план. А затем в наушниках заиграла знакомая песня, и все сомнения рассеялись, как дым на ветру. Под бодрую отбивку и гитарные переливы кто-то незатейливо пел про то, как хотел увидеть мир и решил жить в своём удовольствии. Это ж прям про меня!

Волна восторга вдруг захлестнула с головой. Подумать только. Я решил. Бросил серую рутину и лечу навстречу судьбе. Черт, да конечно же я найду Рецепт, чего бы это не стоило. Поеду по стране с рюкзаком на плечах, буду знакомиться с новыми людьми и новыми городами, почувствую жизнь во всей её красоте и непредсказуемости. Сколько всего впереди...

Моё приключение начинается.

* * *

Я вытер пот со лба и уселся на траву, оперев спину о ствол берёзы. Открыл дорожный атлас.

Стоило, наконец, определиться, куда держать путь. Если не изменяла память, то до Новосибирска около десяти часов. Но это, если через Кемерово, и без учёта времени, что потрачу, пока буду ловить попутки. Мне же хотелось заглянуть ещё в Томск. Там жила Ира – подруга, с которой я учился в школе. Значит, у неё сегодня и заночую.

Закинув за спину рюкзак, вышел на трассу. Прикрывшись рукой от солнца, осмотрелся по сторонам, прикидывая, в каком месте будет больше шансов поймать авто. Выбор был сделан в пользу клочка дороги чуть впереди, гравийная обочина там расширялась на пару метров, позволяя остановившемуся водителю не подставляться под стремительный транспортный поток. Бодрым шагом двинулся вперёд, время от времени вытягивая перед пролетающими мимо автомобилями левую руку с поднятым большим пальцем.

Всего через пару минут я научился, не оборачиваясь, по одному только звуку отличать легковушки от тяжёлых грузовиков. Первые проносились мимо с громким шипением покрышек и оставляли за собой свист разрезанного воздуха. А вот звук фур появлялся издалека. Рождался из общего шума дороги и нарастал с каждой секундой, заставляя дрожать асфальт, и, приблизившись, превращался в грозный рокот многотонного монстра.

Машин на трассе было много. Не прошагал я и пяти минут, как передо мной прижался к обочине старенький тёмно-синий «Аккорд».

– Тебе куда? – донёсся низкий голос из машины ещё до того, как я успел подойти.

Хотя лицо спросившего было хорошо видно, так как «Хонда» оказалась с правым рулем, я всё равно чуть наклонился к окну, чтобы заглянуть в салон и оценить обстановку. Хватило пары коротких взглядов. Всё выглядело безопасно. Внутри был лишь водитель – чуть располневший мужчина лет сорока на вид, одетый в джинсы и светлую рубашку с коротким рукавом. Его сглаженные, чуть оплывшие черты лица и взгляд вызывали доверие.

– Мне до Томска, – сказал я.

– Счастливчик. Прыгай.

Я не поверил. Что? Вот так просто? Быть не может, чтоб так повезло.

– А вы куда едете? – неуверенно спросил я.

– В Кедровый, чтоб он провалился к хуям! – ответил мужчина. – Да ты всё равно не знаешь. Прыгай, не тормози! Мне так и так через Томск ехать.

В третий раз меня просить не пришлось. Действительно, чего это стою, мнусь, как нетронутая гимназистка.

– Юра Полянский, – протянул я ладонь, после того как бухнулся на пассажирское сиденье и кинул рюкзак назад.

– Игорь Юрьевич, – крепко пожал мою руку водитель, – просто Игорь, короче. Ну что, погнали?

– В путь, – улыбнулся я.

И мы погнали – так погнали, что с первых секунд меня размазало по сидению, как камбалу. Обездвиженный волной ужаса, я, не моргая, следил за стрелкой спидометра. Сначала она перевалила через «сто двадцать», затем легла на «сто сорок», а через минуту уже вплотную подобралась к «ста шестидесяти».

Сглотнув вставший в горле комок, я пристегнулся. Игорь на пару секунд повернулся, увидел моё лицо и засмеялся.

– Умоляю, следите за дорогой, – охрипшим голосом выдал я, отчего водитель закатился ещё сильнее.

– Не бойсь, не разобьёмся, – махнул он рукой. Как раз в этот момент мы уходили из-под носа несущейся навстречу фуры.

В голове уже вырисовывались кровавые картины того, как «Аккорд» вперемешку с моими кишками наматывается на дорожный знак. Или слетает в кювет, после чего укатывается в лес весёлыми кувырками, сплющиваясь в железную гармошку. Но вскоре гонка начала

доставлять удовольствие. Сладкое чувство опасности разлилось по жилам, и вот, прикрыв глаза, я уже с наслаждением отдавался опьяняющей скорости.

– Ну рассказывай, Юра, – голос водителя вернул меня к реальности, – где учишься? Чем занимаешься? Какими ветрами в Томск?

– Ох... – замялся я – знаете, Игорь Юрьевич, я всегда оказываюсь в некоторой растерянности от таких вот простых вопросов.

Мужчина повёл бровями и состроил такую физиономию, словно я произнёс несусветную глупость.

– Ты поди высшее недавно получил? Гуманитарий?

– Ага, юрист. Сейчас в академе. А как вы догадались?

Игорь снисходительно усмехнулся и вновь махнул рукой, опасно отпустив руль.

– Опыт, Юра, не пропьёшь. Я давно заметил. Не знаю, чему вас там в институтах учат, но говорить с вами потом невозможно. Спроси вас про Канта, про Гегеля – вы тут первые. Всё расскажете, докажете, всё хайло забрызжите, пока точку зрения не отстоите. Материя или дух? Диалектика или метафизика? Тождество мышления, бытия, хуития... А ты скажи мне, Юра, кого это вообще ебёт? По большому счёту, какая мне разница, что там писал Аристотель? Если надо, я возьму и прочитаю, благо, интернет сегодня везде есть. Мне ведь другое интересно: узнать, чем молодёжь дышит, истории какие-нибудь интересные. Судьба человеческая, так сказать, простым языком, простыми словами. Да только простыми словами вы совсем разучиваетесь говорить за пять лет, или сколько там теперь? Вот и сидите потом без работы: философы, юристы да историки. А кто ж вас возьмёт, если вы работодателю даже о себе рассказать не можете. Человека ведь что? Его зацепить надо! Фразочку красивую, шуточку остроумную, глядишь, он уже и заинтересовался личностью твоей. А все эти обороты академические... Это, Юра, всё – хуйня на маргарине.

– Не соглашусь, – возразил я, – университетское образование как раз и учит говорить. Формулировать мысли, отстаивать свою точку зрения.

– Вот опять, видишь? – засмеялся водитель. – «Отстаивать точку зрения»! А просто поддержать беседу? Не вдалбливать в голову человеку свои убеждения, не усираться в «Твиттере», а просто поговорить? Спорить-то вы мастера. А разговор по душам для вас загадка.

Игорь был первоклассным провокатором. Я не успел ничего понять, а в груди уже разгорелось предвкушение горячих дебатов. Я живо представил, как отражаю несправедливый выпад в сторону университетов, используя изящные логические ловушки, чтобы обратить доводы собеседника против него самого, и в конце концов кладу оппонента на лопатки своим красноречием.

– Чего притих? Подбираешь мощный аргумент против? – ядовито улыбнулся Игорь.

В этот момент он напомнил мне Мириам. Это было в её стиле. Я восхитился тем, как ловко меня поставили в нелепое положение. Игорь пресек дебаты на корню.

– Неплохо, неплохо, – засмеялся я, – получается, вы уже победили. Я не могу ничего возразить, ведь это будет означать продолжение спора. А значит, вы опять оказываетесь правы.

– Смотри-ка, быстро сообразил. Молодец! Только вот что, Юр, давай договоримся. Обращайся ко мне на «ты», окей? Иначе получается, как будто я сына поучаю. А мне не хочется никого поучать. Я подобрал тебя, чтобы было с кем языками потрепать по-дружески, а не чтобы лекции читать.

– Договорились, – кивнул я.

– Ну тогда рассказывай. Куда едешь? Чем, вообще, занимаешься?

– Сейчас ничем, – признался я, – с юрфака ушёл в академ до осени, чтобы не отчислили. Немного расслабился на третьем курсе и в результате понял, что есть все шансы не сдать комиссионный и вылететь с позором. Решил вот взять передышку, подумать, и прокатиться по стране.

– Ого! Даже так. Ну, слушай, это серьёзно. А как родители отнеслись?

Этот вопрос я и боялся услышать. Знал, что рано или поздно кто-нибудь спросит, но не ожидал, что так скоро. Я не успел придумать более-менее правдоподобную легенду, а рассказывать правду хотелось меньше всего. Это означало, что придётся вновь окунуться в тёмные воспоминания о прошлых месяцах, раскрыть самую неприятную страницу жизни.

С другой стороны... Я ведь сумел пережить весну. Так неужели один разговор способен сломать меня? Пожалуй, на первый раз можно и рассказать всё как есть.

– Никак не отнеслись. С матерью я не общался уже полгода. Мы с ней давно разругались. А отец... Отец погиб.

Улыбка в один момент исчезла с лица Игоря, он с сочувствием взглянул на меня.

– Прости. Если хочешь, могу больше не...

– Нет-нет, всё в порядке. Это не вчера случилось, уже всё пережито. Я спокойно к этому отношусь. – Правда? Ну, если так, то рассказывай. Говорю тебе по своему опыту, когда проблему обсудишь, многое становится ясным. Будто приподнимается из тумана, знаешь... Так что у вас там случилось с матерью?

– Костя случился. Её новый муж и по совместительству мой отчим.

– А-а... вот значит как. Классика, короче. Ревнуешь мать?

– Не совсем. По крайней мере, считаю себя довольно взрослым человеком, чтобы контролировать детские капризы и чувство собственности.

– О как... тогда беру слова назад.

– Дело в другом. Мой отец – он опером был, потом начальником угрозыска...

Я отвёл глаза в сторону. Глядя в окно, было проще говорить. Деревья вдоль дороги сливались в единый зелёный ковер, и их размытые силуэты гипнотизировали, не позволяя эмоциям взять верх.

– Он всю жизнь пробегал, гоняясь за жульём. Понимаешь, Игорь... Он даже погиб на задержании. Вот... А Костик этот...

– Жулик?

– Самый настоящий. Я даже фамилии его не знаю! «Костик Громадский». Сука, аж противно. Как звери, серьёзно, – вместо имён клички. В общем, обидно мне стало. За отца. За память о нём. Получается, он всю жизнь подобную грязь вычищал, чтобы потом его место занял этот Костик? Со своими блатными понятиями? Слушай, Игорь, у тебя в машине можно курить?

– Достань в бардачке пачку, я с тобой.

– Держи.

Ага, спасибо. Дай-ка огонька.

Игорь затянулся и приоткрыл окна. Ворвавшийся воздух засвистел, напоминая о том, что «Аккорд» летит по трассе, превышая все возможные ограничения скорости.

– Ну а что мать? – спросил водитель. – Так просто приняла его? Должны же быть какие-то причины.

– А какие причины могут быть? Полюбила его. А может и не полюбила, а просто одна побоялась остаться. Короче, когда этот боров заехал в квартиру, я с мамой перестал общаться. И домой больше не езжу.

– Не жалко мать?

– Сестёр жалко.

– Сестёр?

– Да. Младших. Они ещё маленькие совсем, по девять лет.

Боюсь представить, какое воспитание даст им этот Костик.

– Обеим что ли девять? Двойняшки?

– Ага, Алиса и Олеся. Я звоню им иногда. По телефону и в «Скайпе». Главное, выгадать момент, когда ни мамы, ни козла этого дома нет. Девочки умные, всё понимают. Скучают, правда, сильно. И я по ним тоже.

– Давно их видел?

– Давно.

На некоторое время повисло молчание.

Игорь вёл машину на одних лишь рефlekсах, задумавшись о чём-то своём. Возможно, он подбирал правильные слова, чтобы прокомментировать мой рассказ. Возможно, просто растерялся от внезапного откровения. Честно говоря, мне было всё равно. Я отрешённо наблюдал за пролетающими автомобилями, а все мысли вытеснила старая тоскливая песня, игравшая в салоне.

Постарался вспомнить сестёр. И вдруг с ужасом осознал, что начинаю забывать их лица. Какой у них цвет глаз? Голубой? Или зелёный? Чёрт возьми, хорош брат. Сегодня же вечером позвоню им, наплевав на маму и Костика.

Мы докурили. Игорь закрыл окна и нарушил растянувшееся молчание.

– Знаешь, мне твоя ситуация напомнила одну историю. Ну как историю, скорее байку. Рассказ долгий, но ведь и мы с тобой никуда не торопимся, правда?

– Правда, – кивнул я.

– Ну тогда слушай. Я же, Юра, сам не из Красноярска, детство провёл в Кедровом. Есть такой посёлок за Томском. В общем, когда мне было примерно как тебе, пересекся я там с местным батюшкой.

– Священником что ли?

– Ага, интересный, скажем так, мужик был. Сейчас уже, наверное, и не вспомню, как звали. Так вот. Я ведь потрепаться страсть как люблю, а тогда меня вообще любопытство одолело: собеседник-то необычный. Я, конечно, скептически к религии отношусь, но, понимаешь, – интересно, сука! Что там, думаешь, у него в голове творится, какие мысли, кроме как кадиллом размахивать? В общем, туда-сюда, зацепились мы языками, и оказалось, что батюшка наш – мужик не промах. Короче, в тот же вечер сидели мы у него в бане, пили водку и трещали про баб.

Я засмеялся в голос, представив эту картину.

– Да-да, и такое бывает, Юра. Ну вот, сидим мы, значит, бухие в дым в бане у батюшки...

Я снова закатился.

– Да погоди ты, дай дорасскажу, – Игорь сам с трудом сдерживал смех. – И ты понимаешь, Юра, этого батюшку понесло, как на исповеди. Я сижу, слушаю, а сам думаю – мама дорогая! Да разве ж может такое быть на божьем свете?! А он сидит, на пузе крест, рюмку за рюмкой опрокидывает, и рассказывает всё, как на духу. О том, как «распутных девок очищал от мерзости дьявольской». Знаешь, как очищал? Драл их до потери сознания! То есть, в прямом смысле, пока они не отлетали от переизбытка чувств. Это, он сказал, катарсис называется. Он их так к богу приближал своим таинством. И вроде как получается, что после такого очищения самая последняя шлю... ээм... грешница в общем, становилась святой и непорочной.

– Немного ущербная логика, – с усмешкой заметил я.

– Я тоже так думаю. Ну да не в этом суть. В общем, выходило из его рассказов, что за несколько лет он своим катарсисом полдеревни очистил. Даже жену секретаря райкома. Хотя та, как и подобает всякой жене партийного человека, была праведной атеисткой. Ну так вот, я, как и ты, сидел, слушал, смеялся. И охреневал помаленьку. Думаю, вот тебе и батюшка! А потом он, понимаешь, – раз! Нахмурился, посерел весь, да и замолчал. Я ему: что, мол, случилось? Он сначала рукой махнул: ничего, говорит, вспомнилось просто. А у меня в груди предчувствие заиграло. Понимаю, что сейчас-то и будет самое важное во всём разговоре, ключевой

момент. Самое сладкое, значит. И ты представляешь, как в воду глядел! Батюшка помолчал, поломался немного, а потом водка всё равно язык ему развязала.

* * *

Мы остановились у придорожного кафе. К тому времени у меня начал урчать желудок, напоминая о пропущенном завтраке. Игорь купил целую тарелку горячих чебуреков и два стакана кофе. Деньги у меня брать отказался, чему я, разумеется, обрадовался, хоть и с некоторым смущением.

Расположились мы на улице, под жестяным козырьком веранды. Игорь сдул пыль со старой клеёнки, обмакнул сочный чебурек в сметанный соус и начал с аппетитом есть. Недолго думая, я последовал его примеру.

– Честное слово, Юра, сам в эту историю не до конца верю. Но в тот момент она показала мне чистойшей правдой, уж больно искренне этот батюшка слёзы лил, когда её рассказывал.

– Слёзы? – удивился я.

Игорь кивнул. Он отхлебнул немного кофе, взял новый чебурек и продолжил:

– Ага. Рыдал, как девочка! Видимо, глубоко его эта Настасья зацепила. Но обо всём по порядку. Дело было так. Жила у нас в Кедровом одна девка – Настасья. Кровь с молоком. Верх, низ – всё при ней, в общем, на загляденье баба. Одна беда – двадцать лет, а всё целка. Мать у неё была ведьма настоящая. Во всех смыслах. Даже дом на перекрёстке стоял. Короче, Настасья этой несладко жилось. Не то, чтобы мать её притесняла или как-то унижала, но воспитывала сурово, в ежовых рукавицах. В итоге девчонка нелюдимая была, на своей волне немного. Остальные девки вечером в сельский клуб наряжаются, с парнями гуляют, а она платок надеет и в лес на всю ночь. Чего ей там делать? Ну да нормальным-то людям всё равно, уходит и уходит, какая нам разница, что она там чудит? Может, травки какие лечебные собирает? Но ты же, Юра, понимаешь, что, кроме нормальных людей, есть и ненормальные. Козлы и ублюдки – они везде, а уж в деревне такие, как пить дать, найдутся. Ну и нашлись. Пришли два пассажира с армии. Они и до этого умом не блистали, а в армии им и вовсе последние извилины распрямили, чтоб всё по уставу было. Думаю, представить, что получилось, не трудно. Два здоровенных дегенерата. Да ещё и нализились в дрова. И вот эти синие дуболомы идут поутру и видят, как из леса выходит Настасья. Одна. Что было дальше объяснять надо?

Я сглотнул вставший в горле кусок мяса и отрицательно покачал головой, дав понять, что всё и так прекрасно понял. Я отчётливо услышал, как рвётся летнее платье, как грязные руки заталкивают крик обратно в горло, не оставляя шансов на сохранение женской чести.

– Настасья где-то с неделю из дома не выходила. Участковый к ней приехал, бумажки какие-то подписал, да и свалил. Заявление никто не подавал, расследовать дело не стали. Те двое, когда поутру в себя пришли, загасились сперва, а потом поняли, что ни хрена им не будет. Тёмную им устраивать мы не решились. Сейчас стыдно вспоминать, а тогда, если почестному, зассали мы на них идти. Слишком уж здоровые быки были. Вот только недолго гитара солдатская играла. Нашли их ровно через сорок дней за домиком у Настасьи. Всё в той же дембельской форме на березках висели. На соседних веточках.

Я дёрнулся, подскочив на стуле, и тихо выматерился, глядя за спину Игорю.

– Ты чего? – обернулся он назад. – Лицо, как будто смерть увидел.

– Нет-нет, всё нормально. Продолжай.

Мириам послала мне воздушный поцелуй и присела за соседний столик. Она изящно закинула ноги на стоящий рядом стул и стала слушать нас, сидя вполборота.

Игорь проследил за моим взглядом, непонимающе нахмурил брови. Затем хмыкнул и продолжил, как ни в чём не бывало:

– Представляешь, какие разговоры в деревне пошли? Тогда весь Кедровый на ушах стоял. Все головой кивали, мол, знаем мы про Настасью и её мамку – ведьмы они. Трогать их, правда, никто не стал. Наоборот – за километр обходили. Но прошло пара месяцев, и всё как-то забываться стало. И тут, рассказывает батюшка, приходит к нему Настасья. Вся в чёрном, в трауре, значит. Так и так, говорит, покаяться хочу.

Игорь достал сигареты и закурил, откинувшись на спинку стула.

– Ну а батюшка что? Покаяться, так покаяться. Скольким он уже грехи отпускал, почему бы и этой не отпустить. Он по отработанной схеме давай работать. Ходит кругами загадочный такой, мудрый, в рясе чёрной. В общем, весь из себя служитель божий и Люцифер в одном лице. Слушает, кивает с умным видом, а сам думает, как бы свою бороду между ног у девки макнуть.

Мириам брезгливо скривила лицо.

– Меня сейчас стошнит от его метафор, – вполголоса произнесла она.

Игорь поймал мой взгляд и снова обернулся.

– Да на кого ты там смотришь? – удивлённо спросил он.

– Не обращай внимания, – махнул я рукой.

Игорь смерил меня недоверчивым взглядом, но всё-таки продолжил:

– Так вот, слушай, что дальше было. Батюшка-то наш уже свой подол задирает, когда вдруг прислушался и понял, в чем ему Настасья кается. Я думаю, у него в тот момент челюсть упала и на собственном члене повисла. Потому что Настенька наша поведала, как её матушка своими собственными ручками солдатиков на березку сушиться отправила.

Я недоуменно вскинул брови.

Чего? Не понял... Как?

Игорь поманил меня пальцем, наклонился над столом и тихо, почти шёпотом произнес:

Странно, да? Одна старая женщина. Двое быков. Вроде как неувязочка выходит по всем правилам. Только, Юра, ведьмой она и правда была. Самой настоящей. Прокляла их на смерть, понимаешь? И знаешь как?

Игорь замолчал и посмотрел мне в глаза.

Смерть за смерть, – наконец произнёс Игорь. – Она в жертву себя принесла. Сорок дней умирала, и когда срок подошёл, солдатиков тех с собой на тот свет забрала.

Я внимательно пригляделся к Игорю, пытаюсь понять, сколько правды в его словах. Сперва мне показалось, что мой спутник просто-напросто шутит, развлекая старой байкой, которую услышал давно в пионерском детстве. Но выражение его лица не менялось, и, в конце концов, стало ясно: мужчина ни на секунду не сомневался в правдивости этой истории.

– А теперь, Юра, самое главное. То, зачем я и начал рассказ. Перед смертью в самый последний день мать Настасьи позвала к себе дочь и попросила забрать свой дар. Может, слышал что-нибудь подобное?

– Да, – признался я. – Слышал такую легенду. Якобы, ведьмам не позволяет умереть их сила, поэтому они ищут преемницу перед смертью.

– Да-да-да! – воодушевленно закивал Игорь. – Это прям в точку! Преемницу! Только, как я понял, она не перед смертью её искала, а всю жизнь Настасью специально растила. Все свои знания потихоньку передавала, в лес за травами отправляла. И когда пришло время отдать душу, она свой дар дочери передала. Так вот, возвращаясь к нашему батюшке. Знаешь, что Настасья у него попросила? Мать отпеть! Якобы, земля покойницу не принимает.

– В смысле?

– В прямом. Говорит, похоронила её за домом, а на следующий день та опять в кровати. В земле вся, но по виду и не скажешь, что мёртвая. Лежит себе, как будто спит. Только не дышит.

– Мне всё труднее в это поверить, – покачал я головой.

– А ты и не верь. Ты слушай.

Игорь допил свой кофе, убрал чашку в сторону и продолжил:

– В общем, батюшка и думать забыл о своих грязных делишках. На какое-то время он даже стал похож на нормального священника. Настасье сказал, чтобы та перед богом очистилась, от «дара» материнского отказалась и за мать помолилась. Свечку чтоб за упокой поставила.

– И что? Поставила?

– Хрен там. Девка упёрлась рогом: дар мой, говорит, последний подарок матери и откажется я от него не могу. А с ним в храме божьем мне делать нечего. Мне бы только, говорит, матушку отпеть, а дальше сама разберусь. Тут в нашем батюшке тоже принципы проснулись: я, говорит, всё сделаю, но помогать тем, кто от бога отказался, не могу. Выбирай, мол, или сила, или отпевание. Настасья подумала немного и ушла.

Игорь выдержал небольшую паузу.

– А через пару дней батюшке интересно стало. Зашёл он к ней домой. И охренел. Потому что Настасья сама на покойницу стала похожа. Под глазами мешки, бледная вся. Батюшка у неё спрашивает: что, мол, с тобой? А Настасья ему в сторону кровати кивает и говорит: «мать по ночам спать не даёт. Надо мной стоит. Похоронить просит».

Я поёжился, представив, как старая ведьма стоит у изголовья кровати, неотрывно смотрит из темноты и шевелит сухими губами, умоляя предать её тело земле.

– И тут батюшка у неё спрашивает, а где она сейчас? Девка в ответ глаза выпучила и смотрит на него, как на сумасшедшего. А ты, говорит, не видишь что ли? Вон же, на кровати лежит! И пальцем тычет в пустую койку. Тут батюшка опять свою песню завёл: откажись, Настасья, откажись. Дьявол тебя за нос водит, погубит он тебя. А девка его умоляет: пойми, не могу я мать предать. В общем, Юра, спорили они долго, да только всё без толку. Каждый при своём остался. А через пару дней Настасья и сама умерла. Врачи сказали: общее истощение организма. Батюшка, когда узнал, волосы на себе рвал. Зацепила она его, понимаешь? Он ведь в первый раз за всю свою службу действительно кому-то помочь хотел, душу девичью спасти. А получилось так, что, если б не его принципиальность, то может, Настасья и жива бы осталась.

Игорь помолчал немного, внимательно вглядываясь мне в глаза, а потом спросил:

– Ты ведь, понимаешь, к чему я эту историю рассказал?

– Не совсем, – хмуро ответил я.

– А ты подумай... Хорошенько подумай. Ты ведь, Юра, и сам, как этот батюшка. Как думаешь, почему он Настасье помогать не стал? А? Да потому что посчитал, что дела её ведьмовские оскорбляют имя отца небесного. Вот и бросил девчонку на растерзание призраку. И всю жизнь потом мучился, потому что знал: не простит ему Бог. Не простит того, что он в своём церковном высокомерии отказал в помощи ближнему.

Я неожиданно понял, к чему клонит мой спутник. И мне это совсем не понравилось.

– Погоди-ка, погоди, – перебил я собеседника. – Ага. Аллюзии, значит? То есть хочешь сказать, что мой отец, который всю жизнь отдал борьбе с ворами, хотел, чтобы какой-то жулик стал воспитывать его детей? Чтобы его сын принял этого Костика с распростертыми объятиями? Называл папой? Так что ли?

– Так ведь не о Костике речь, Юра. О тебе. И о матери твоей. Ты, конечно, извини, что лезу, но мне кажется, твоя принципиальность убивает её. Она потеряла мужа, а теперь от неё отказался ещё и любимый сын. Не правильно это. Память об отце должна помогать преодолевать старые обиды, а не порождать новые.

Я вскипел. Вот значит как?! Вот к чему весь этот разговор – выставить меня виноватым?

– Юра, – взволнованно произнесла Мириам, – Юра, не надо... Не надо, мой дорогой.

Но я уже ничего не слышал. Игорь затронул самую болезненную тему, и сейчас ему придётся выслушать всё, что я думаю о его притчах.

– Знаешь, Игорь... – я старался говорить спокойно, но мой голос дрожал от возмущения. – Оставь свои байки для собственных детей. Ты и наполовину не представляешь, насколько мерзко и оскорбительно видеть, как человек, место которого на тюремных нарах, целует твою мать, обнимает её своими жирными лапами. А она, вместо того, чтобы выгнать его вон, вешается вся на эту мразь. На существо, которое я даже человеком назвать не могу. Потому что не может нормальный человек спокойно жить после того, как людей резал и вагонами воровал при всеобщем голоде. Сравниваешь мою мать с Настасьей? Так скажи мне, какого хрена, твоя Настасья от колдовства не отказалась, а? Зачем ей был нужен этот дар, если она с ним так страдала?! Скажи мне, Игорь, если моя мать так любит меня, то какого хрена это воровское хайло до сих пор с ней спит, и называет моих сестёр «доченьками»? Какие они ему, на хер, доченьки?! Они дочери моего отца! Полянские!

– Юра, прошу, остынь, – Мириам встала у меня за спиной, положила руки на плечи, – зачем тебе это?

Игорь отреагировал спокойно. Он лишь грустно усмехнулся и закурил новую сигарету.

– Ты молод, Юра. Очень молод и очень горяч. В тебе пожар, и дым от него застилает глаза, не позволяя увидеть свет. Ты думаешь, что всегда прав, но жизнь гораздо сложнее. Она гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить.

– И всё? Это всё, что ты скажешь? Упрекнешь меня моей молодостью и неопытностью, считая, что этого достаточно?

– Я же говорил, Юра. Я не собираюсь никого учить. И спорить тоже не стану. Ты доел?

– Да.

– Ну так поехали. Дорога ждёт.

* * *

Солнце беспощадно палило, нагревая тёмно-синюю «Хонду». Мы летели по разбитой трассе, рассекая жидкий воздух, что струился над горячим асфальтом.

Я успел остыть после спора в придорожном кафе. Мне стало даже неловко за ту вспышку гнева, с которой я накинулся на ни в чем неповинного Игоря. Впрочем, мой спутник и не думал обижаться. Мы просто сменили тему и больше не возвращались к разговору о родителях.

Через пару часов я сказал Игорю, что хочу немного вздремнуть. Тот кивнул и пообещал, что разбудит меня в Томске, если не проснусь раньше. Я откинул спинку сидения, положил голову набок и закрыл глаза.

Мысли утонули, и их место занял бесконечный поток образов, звуков и обрывков воспоминаний. Едва бьющий родник из знаков и символов превратился в ручей, обернулся горной рекой ярких галлюцинаций. Тело охватила мелкая электрическая дрожь, которая становилась сильнее с каждой секундой. Вокруг начала сгущаться тьма, а в ушах гудело так, словно гигантский «Боинг» запустил свои двигатели. Я знал, что сейчас произойдёт.

Сосредоточил внимание на вибрациях, которые уже начали разрывать невидимые нити. Гул в ушах усиливался. Сама собой начала подниматься рука, затем вторая.

Хлопок.

Невесомость.

Я лечу.

Подобно воздушному шару я оторвался от тела, прошёл сквозь крышу автомобиля и взмыл в небо.

Тьма рассеялась. Внизу раскинулись бесконечные сибирские леса, разрезанные серой лентой дороги. Старенький тёмно-синий «Аккорд» уносился вдаль, а вместе с ним уносилось и моё опустевшее тело.

Мягко, словно на парашюте, я приземлился на асфальт. Машин на дороге не было.

– Мириам.

Ответа не последовало.

– Мириам!

И вновь тишина.

– Да и чёрт с тобой.

Я начал неторопливо тереть ладони и ходить вперед-назад. Во снах нельзя останавливаться ни на секунду, иначе всё может закончиться потерей осознанности.

Место было не знакомо. Старая разбитая трасса, вокруг дремучий еловый лес с перекошенными деревьями. Засохшие ветки извивались, превращались в серые волосатые лапы, тянущиеся отовсюду. Небо кружилось чёрными, как уголь, тучами.

Нет. Так дело не пойдёт. Я закрыл глаза и представил яркий луч солнца, разгоняющий мрак. Ничего не произошло.

– Не понял...

Усилие воли. Я призываю огонь. Я призываю свет. Силой мысли разгоняю тьму.

И вновь неудача.

– Что за хрень, Господи...

Издали донёсся женский крик. Я вздрогнул и отвлекся. В ту же секунду всё закрутилось в жидком сером водовороте, раздалась грозовые раскаты, засверкали молнии.

Картина переменилась.

Я стоял на холме посреди высокой травы. Вокруг белое марево. Рядом покосившийся деревянный крест в человеческий рост.

Чьи-то шаги внизу.

– Кто здесь?! – прокричал в туман.

Слова утонули в сырой молочной завесе. Небо всё так же чернело над головой. Стало жутко. Мириам, слышишь меня? – прошептал. – Мне не помешала бы твоя помощь...

– Иди сюда... – донёсся голос из тумана.

– Мэри?

– Иди сюда...

Нет. Это не голос Мириам.

– Кто ты?!

Тишина. В тумане промелькнул и скрылся чей-то силуэт.

– Кто ты?! – повторил я.

Раздался девичий смех.

– Назовись!

Смех закружился в белой дымке, приближаясь ко мне по спирали. Так быстро, словно его владелица летела над полем, не касаясь земли.

– Приказываю назвать своё имя! – заорал я.

Тишина.

Оглушающий крик над самым ухом:

– Настасья! Настасья! Настасья!

Чьи-то руки схватили сзади за плечи, оторвали от земли и потащили к небу. Серый водоворот. Реальность поплыла, как растаявшее желе. Гул и мрак.

Издали донёсся бархатный голос, но я не разобрал слов. Боль. Звонкая пощечина вернула мне зрение и слух.

– Зачем ты заговорил с ней?!

– Мириам...

– Зачем ты заговорил с ней?!

– Это была...

– Знаю. Скажи, зачем ты заговорил с ней?

Я осмотрелся по сторонам. Вокруг всё тот же тёмный дремучий лес. Искореженные скелеты мертвых елей.

– Где мы?

– Ответ на вопрос, мой мальчик!

Я подозрительно взглянул на девушку. Она стояла, наклонившись надо мной посреди леса. В длинном белом платье с зелёным поясом.

Ни одной фиолетовой вещи. Это не Мириам.

– Вот же догадливая сволочь, – прошипела ведьма, превращаясь в старуху.

Она накинулась на меня, как хищник, схватила острыми когтями, рванула вверх. Но в ту же секунду вспышка бледно-голубого света ударила в лицо колдуньи, заставив её завизжать от боли.

– Убери руки. Он мой.

Упавшая ведьма вскочила и на четвереньках побежала прочь. Прижавшись к сухому дереву, она скрючилась и спрятала голову, боясь взглянуть на женщину в фиолетовых одеждах.

Волосы Мириам вились, порываемые грозовым ветром. Она стояла, распрямив спину, объятая лунным светом.

– Сгинь! Сгинь! Сгинь! – в панике кричала ведьма, отмахиваясь от моей подруги.

– Не смей даже прикасаться к нему.

Голос Мириам был всё также прекрасен, но теперь звучал по-другому. В нём появились металлические нотки серебра, отблески абсолютной власти.

– Сгинь! Сгинь, Марена!

Мириам прошла мимо меня, приблизившись к старухе.

Ведьма заскулила и ещё сильнее сжалась, задрожав всем телом.

– Сгинь, нечистая! Ты проклята! – закричала она.

Я в недоумении уставился на ведьму. «Нечистая»?

– Не слушай эту каргу, Полянский, – не оборачиваясь, произнесла Мириам, – она уже сгубила две невинные жизни.

Нет! – завизжала старуха. – Ты не имеешь права! У меня договор с твоим хозяином!

Мириам улыбнулась.

– У меня есть лишь один хозяин, – сказала она, – тот, которого ты пыталась убить.

– Ты лжешь, Марена! Сгинь! Лукавая!

– Мириам, что происходит? О чём она говорит?! – закричал я. Чёрные тучи над лесом разразились грозой, подул штормовой ветер, склоняя к земле мёртвые ели. Одно из деревьев не выдержало и с громким треском сломалось. Покорёженное бревно пронеслось мимо, подхваченное ураганом.

– Я сказала, не слушай её! – повернулась ко мне Мириам. – Это лярва!

– Кто?

– Лярва, идиот! Напряги мозги и вспомни!

Ведьма воспользовалась секундным замешательством. Словно блоха, она прыгнула в сторону, поймала сорванную ветром ветку и, оседлав её, взмыла в воздух.

– Чёрт! Чёрт! – выругалась Мириам. – За ней!

– Ваши документы, – произнёс знакомый голос.

– А-а! – в отчаянии застонала Мириам. – Ты идиот, Полянский!

Слова Мэри начали уплывать куда-то вдаль, и я почувствовал, как меня засасывает серый водоворот.

* * *

– Ваши документы, – повторил старший лейтенант.

– Сейчас, погоди, браток, – сказал Игорь, роясь в бардачке, – где-то здесь были. А, вот они! Нашёл, держи.

Полицейский, одетый в жёлтый светоотражающий жилет, принял из рук водителя помятый файл с бумагами. Достал права, затем страховку.

– Почему нарушаем, Игорь Юрьевич?

– Тороплюсь, начальник. К матери в Кедровый еду. Совсем заплохела, родная. Боюсь не успеть.

Старлей оторвал взгляд от документов, внимательнее присмотрелся к водителю. Затем посмотрел на меня.

– А это? – махнул он рукой в мою сторону. – Сын?

– Да не! Паренька на дороге подобрал. Автостопщик. Вон и рюкзак сзади лежит.

– Можно ваши документы, молодой человек?

– Мои? – спросил я заспанным голосом.

– Да.

– А на каком основании? А впрочем... – я вспомнил, что в данный момент Игорю грозит лишение прав. – Вот, держите.

Я протянул старлею свой паспорт.

– Полянский Юрий Олегович, зарегистрирован в Красноярске. Понятно... Возьмите.

– Ну так что, браток? – спросил Игорь, – отпустишь?

– К матери, говоришь...

– Ага. К ней родной.

– Адрес матери, быстро ответь.

– Поселок Кедровый, улица Партизанская, дом шесть.

– Чем болеет?

– Рак у неё. По женской части, ну понимаешь... Сказали, пару дней...

– Понимаю.

Старший лейтенант в раздумьях посмотрел куда-то в сторону, постучал документами по ладони.

– Ладно. Езжай, – он отдал файл Игорю, – только не гони. Ты ведь не себя, ты людей на дороге подставляешь. И второй раз так не повезет, заберут права.

– Спасибо, браток, – Игорь пожал руку полицейскому, – даю слово, девяносто шесть, не больше.

– Девяносто.

– Окей. Спасибо ещё раз.

– Всего доброго.

Игорь завёл машину, и мы поехали дальше. Мой спутник и вправду сдержал обещание, и больше ни разу не превысил скорость.

– Вот есть же отзывчивые люди, Юра. Повезло нам. Порядочный мужик оказался, даже про деньги не заикнулся.

– Игорь...

– А?

– А про мать, это правда?

– Правда, – грустно усмехнулся водитель, кивнув. – Только давай не будем об этом. В конце концов, всё уйдем рано или поздно. Главное, чтобы при жизни люди вокруг настоящие были. Как этот старлей. Да, Юра... Все там будем. Главное – не жить прошлыми обидами.

Я промолчал в ответ.

Открыв окно старенькой «Хонды», я достал последнюю сигарету, подкурил и задумался, глядя на проплывающие мимо пейзажи. Думал я не о добром полицейском, и даже не о своём

странном сне. Я вновь и вновь прокручивал в голове тот разговор в придорожном кафе. Теперь слова Игоря воспринимались совсем иначе.

* * *

– А блин, блин, блин! Полянский, я тебя обожаю! Ты записал адрес?

– Не переживай, я запомнил.

Я присел на капот машины, переложил телефон к другому уху, и зубами стянул пленку с новой сигаретной пачки.

– Юра...

– Да?

– Ты сумасшедший, ты в курсе?

– Ты даже не представляешь, насколько близка к истине.

– Блин, блин! До сих пор не могу поверить! Я уже говорила, что обожаю тебя?

– Да.

– Потому что так и есть. Жду с нетерпением, Юра. Я так соскучилась.

– Я тоже, Ир. Скоро буду.

– Обожаю тебя, Полянский.

Я улыбнулся и повесил трубку. Посмотрел в небо.

Было также безоблачно, но жара понемногу спадала. Солнце клонилось к горизонту. Мы стояли на въезде в город, остановившись в тени деревьев. Позади неспешно ползла зеркальная гладь Томи. Возможно, река произвела бы на меня впечатление, не проживи я до этого три года в Красноярске, где разлился величественный Енисей.

С первого взгляда Томск мне понравился. Не слишком шумно, повсюду зелень и старинная архитектура. А самое главное, на улицах до неприличия много соблазнительных девушек. Город студентов, что ещё от него ожидать?

– Игорь.

– А?

– Спасибо большое.

– Да фигня вопрос, – махнул рукой мой спутник. – Дальше сам доберёшься? Может тебя подбросить до подруги?

– Не стоит, ты и так очень помог.

– Ну как знаешь.

Игорь присел рядом. Прощаться не хотелось, поэтому мы закурили, чтобы выиграть ещё пару минут. Мы молча наблюдали за тем, как толпы студентов залазят в старенькие пазики. Рядом целовались парочки и гуляли семьи с колясками. Повсюду кипела жизнь, доносился смех и, казалось, что в этом городе живут лишь те, кто ещё молод и полон сил.

– Эх... завидую я тебе, Юра, – сказал Игорь.

– Почему?

– У тебя вся жизнь впереди.

Я помолчал немного, а потом всё-таки не выдержал:

– Слушай, Игорь.

– А?

– Тебе из пенсионного не звонят по ночам? Не умоляют, чтобы ты уже сдох, наконец?

– Э-э-э... чего... нет.

– Ну тогда заканчивай говорить так, словно из тебя песок сыплется.

Игорь засмеялся. Он спрыгнул с капота и потрепал меня за волосы.

– Знаешь, не теряй дерзости, Юра. Серьёзно, пусть тебе и будет порой нелегко, но зато спустя годы, оглядываясь назад, ты ни разу не пожалеешь, что где-то не дожил, где-то не досмеялся. Только насчёт матери подумай, хорошо? Хорошо, – кивнул я.

– Молодец. Верю в тебя.

Я понял, что настал момент, когда наши пути должны разойтись. Спрыгнув с машины, подошёл к Игорю и с громким хлопком пожал ему руку. Игорь дружески похлопал меня плечу и произнёс:

– Ну что? Удачи тебе в путешествии, Юра.

– Спасибо. И тебе легкой дороги. Я подумаю над твоими словами, обещаю.

Мой спутник улыбнулся, ещё раз потрепал меня за волосы и сел в машину. Махнув рукой, он развернулся и поехал к выезду из города, посигналив на прощание.

– Удачи на дорогах, Игорь, – произнёс я вслед.

* * *

Мне повезло. В автобусе оказалось мало людей. Это было удачей, ведь я не хотел, чтобы меня и в самом деле приняли за сумасшедшего, который разговаривает с пустым сидением.

Мириам поправила непослушный локон, и вытянула ноги, положив их рядом со мной.

– Ты правда забыл, кто такие лярвы? – спросила она.

– Ты ведь знаешь.

– Знаю. Но я надеялась, тебе станет стыдно за свою дырявую память, и ты моментально всё вспомнишь.

– Отчаянная надежда.

– Ты читал об этом год назад. Дух злого человека, который умер молодым. Настасья была такой.

– Откуда ты знаешь?

– Юра, в твоих снах я способна творить удивительные вещи.

– О, несомненно! – расплылся я в улыбке.

– Не в том смысле.

Девушка сохранила серьёзный вид, но я заметил, как дрогнули уголки её губ.

– Речь о другом, – продолжила она, – в твоих снах я вижу насквозь не только тебя, но и всех сущностей, что кружат вокруг. Ну, кроме Минервы, разумеется. Её сознание закрыто, как бы я не пыталась пробиться.

– Было бы здорово, если б у тебя получилось. Тогда мы бы знали, где искать Рецепт.

– Согласна, но сейчас речь не о ней. Видишь ли, теперь в твоих снах поселилась ещё одна сущность и мне это очень не нравится.

– Настасья?

– Скорее то, что под неё маскируется. Трудно объяснить... У тебя слишком яркая фантазия, Юра. Ты создаешь сущностей, стоит лишь тебе в них поверить. Я – тому доказательство. Разговор с Игорем нарисовал новый образ, и стоило тебе уснуть и приоткрыть завесу... В общем, ты сам все видел. Я попыталась поймать её по горячим следам, позволила максимально приблизиться. Но чертов гаишник всё испортил.

– Так значит... Черт, Мириам! Вот почему ты не пришла на зов! Ты ловила её на живца? На меня?

– Да, – ничуть не смутилась девушка, – а как думаешь, ради кого я это делала? Пойми ты, те двое солдатиков, про которых рассказывал Игорь, не были насильниками. Они были жертвами, необходимыми для перехода силы от одной ведьмы к другой. Представляешь, насколько опасна эта стерва?

– Постой. Ты ведь только что сказала, что это ненастоящая Настасья.

– Была ненастоящая. А теперь... Чёрт, Полянский! Ты ведь всё знаешь. Или хочешь сказать, я тоже ненастоящая?

– Нет, просто...

– Просто не тупи, хорошо? И послушай меня. Ты под ударом, Юра. Я не смогла остановить её сразу. Теперь она знает, кто я на самом деле, и будет куда осмотрительнее. До тех пор, пока мы её не поймем, каждый твой сон – это поле боя, на котором ты можешь остаться.

От слов Мириам мне стало не по себе. Не очень приятно понимать, что стоит тебе закрыть глаза и чуть задремать, как в ту же секунду ты можешь оказаться в когтях мёртвой ведьмы. Я слишком хорошо помнил ночные кошмары, преследовавшие меня до тех пор, пока не появилась Мириам. Меньше всего хотелось снова пережить те мгновения липкого ужаса.

Я отогнал дурные мысли и постарался думать о чём-нибудь приятном. О сестрёнках. О том, как два года назад мы вместе с мамой провожали их в первый класс на школьной линейке. Школа... А ведь и с ней связано столько милых сердцу воспоминаний...

– Пойми, Полянский, теперь ты должен быть предельно аккуратен в собственных сновидениях. Осторожнее с желаниями и, главное, не теряй осознанности. В обычных снах я не всегда могу прийти к тебе на помощь, потому что...

Мириам вдруг замолчала. Она отстранилась от меня, сложила руки на груди и уставилась в окно с безразличным видом.

– Впрочем, тебе это не интересно, – холодно бросила она.

Я удивленно вскинул брови.

– Не понял. Что случилось? С чего ты взяла?

– С твоей головы, Полянский. Твои мысли заняты совсем другим. Точнее другой.

Я беззвучно выматерился. Как же это тяжело – иметь подругу, знающую о тебе абсолютно всё.

– Поговорим в другой раз, – спокойно продолжила Мэри, – я всё понимаю, мой дорогой. Тебе хочется помечтать о своей школьной шлюшке. Вспомнить её милую ржавчину на голове и мятую юбку, мокрую от каждого прикосновения. Помечтай, мой дорогой. Помечтай.

– Мириам, ну что за детский сад. Ты же знаешь...

– Да, знаю-знаю... Разве я говорю что-то против?

– Ты ревнуешь, да?

Мириам прыснула, продолжая бесцельно смотреть в окно. Мне вдруг стало весело, и я не смог сдержать довольной улыбки.

– Нет, ну вы только взгляните! Роковая женщина, непокорная Мириам! А губки дуэт, как обиженная восьмиклассница. Хочешь поговорить об этом?

– Заткнись, Полянский.

– Нет-нет, Мэри. Мы обязательно должны обсудить проблему, – продолжал смеяться я. – Возможно там, глубоко под сердцем, тебя что-то тревожит. Какой-то червячок сомнения...

– Полянский. Если твой червячок тебе ещё дорог, лучше закрой рот.

– Ага. Угрозы. Это верный признак душевного дисбаланса и расшатанной...

Я не договорил. Мириам исчезла на мгновение. Не успел я покачнуться от подзатыльника, как она вновь сидела передо мной, скрестив руки и уставившись в окно.

– Ай, чёрт! Это нечестно.

– Зато эффективно, – ответила девушка.

– Что за варварская слабость к физическому насилию?

– Не знаю. Лучше спроси об этом у своей рыжей шлюшки.

– Да хватит уже, Мириам! Перестань называть Иру так. Да, она – любвеобильная девушка.

И очень раскованная в этом плане. Просто она...

– Слаба на передок. Шлюшка. О чём и говорю.

Я глубоко выдохнул и покачал головой.

– Серьёзно. Хватит. С чего ты вообще взяла, что у меня с Ирой что-то будет? Наши школьные приключения давно в прошлом. Три года, Мириам! За это время люди сильно меня-

ются. Мы с ней теперь почти не знаем друг друга. Всего лишь одноклассники и далёкие приятели.

Моя подруга язвительно усмехнулась.

– Мириам. Ты ревнуешь?

– Нет.

– Тогда почему я чувствую запах грозы?

Девушка, наконец, повернулась ко мне и посмотрела в глаза.

– Полянский, – мягко произнесла она, – успокойся и отстань от меня. Хочешь её взять – бери, пожалуйста. Мне всё равно. Я тебе не жена, чтобы держать на привязи и давить каблуком. Мне глубоко наплевать на всех девок, с которыми ты развлекаешься. Я понимаю, молодое тело требует женщин, а я не могу отдаться тебе в полной мере. Поэтому не оглядывайся на меня, делай, что хочешь.

– Ты не ответила на вопрос.

– Чёрт, какой ты душный. Да, я зла! Но не потому что ревную тебя к этой твоей Ире, а потому что сама не могу оказаться на её месте. Господи, Полянский, неужели не понятно? Я просто завидую ей.

– Так вот в чём дело.

Да, именно в этом.

Мириам вновь отвернулась и продолжила разглядывать проплывающие мимо здания, фонари и рекламные щиты. Она была абсолютно спокойна.

Мне вдруг пришла в голову любопытная идея. Я не удержался и осторожно начал:

– Слушай, Мириам. А если...

– Я испепелю эту рыжую стерву в адском пламени. Сны – это мои владения.

Больше вопросов у меня не было.

* * *

Я стоял в обшарпанном подъезде, рассматривая металлическую дверь квартиры. Адрес вроде был правильный.

Поправив лямку рюкзака, глубоко выдохнул и постучал. Через пару секунд по ту сторону раздались лёгкие шаги. Щёлкнул замок. Дверь широко распахнулась.

Слова приветствия застыли на моих губах. Мириам, как всегда, оказалась права. Для свиданий сегодня ночью не останется времени.

Огненные волосы Иры были распущены. Распущенным был весь её вид. Одежда скорее подчеркивала, а не скрывала откровенные места – джинсовые шорты были бессовестно коротки, а из-под белой майки выглядывал край бюстгалтера. Тонкая золотая цепочка струилась вниз, и липнувший к коже медальон заставлял смотреть далеко не в глаза девушки.

Ира заметила мой взгляд и лукаво улыбнулась.

Она прыгнула на меня, повиснув на шее, и стиснула в объятиях, уткнувшись носом куда-то под ухо. Её горячее дыхание сладким импульсом прошло по телу, спустившись в низ живота. Я ощутил молочный запах взвившихся рыжих волос, обжигающий поцелуй на шее. В следующую секунду меня схватили за края рубашки и насильно втоптали в квартиру.

Дверь в подъезд осталась открытой. Нам было не до неё.

Собирая углы шкафов и сбивая вешалки, мы закружились по коридору, тесно прижавшись друг к другу. Запах миндаля. Пламя, рвущееся наружу. Я скинул мешающий рюкзак и придавил Иру к стене. Она судорожно вдохнула, задрожала и растеклась по рукам подчинившись. Покорность, с которой Ира отдалась мне, взорвала последние остатки разума, и весь мир вокруг стал неинтересным.

Позже я так и не смог вспомнить, в какой именно момент мы оказались в спальне.

* * *

Я сладко откинулся на кровати, освободив из объятий взмокшее тело Иры. Девушка лежала на спине и пыталась успокоить дыхание, на её лице сияла блаженная улыбка. Наконец, Ира повернулась, нежно погладила мои растрепанные волосы и произнесла:

– А ты умеешь здороваться.

– А ты умеешь быть гостеприимной, – ответил я, и мы засмеялись.

– Блин! Мы не закрылись!

Голая она вскочила с кровати и на цыпочках побежала в коридор. Я услышал, как хлопнула входная дверь, и щёлкнул замок. Через мгновение Ира вновь вошла в спальню. Прислонившись плечом к дверному косяку, она разглядывала меня, изучая во всех подробностях.

– Ты изменился, – сказала она, – стал более мужественным.

– Ты тоже, Ир.

– Стала более мужественной? – улыбнулась подруга.

– Тоже изменилась.

– Правда? И в чём же?

– Ты теперь такая... взрослая что ли.

– Да уж, комплименты, я гляжу, ты так и не научился делать. – засмеялась Ира. – Кто же напоминает девушке про её возраст?

– Эм... не знаю. Только полный кретин?

– Ага. И Юра Полянский.

– В принципе, одно и то же, – добавил я.

Ира улыбнулась.

– Ну хоть с самокритикой всё в порядке, – сказала она. – Пойдем, на кухню. Я приготовлю ужин.

– Я сначала в душ, хорошо? Весь день по жаре, а в конце и вовсе в пламя.

– В конце? – на лице Иры появилась лукавая усмешка. – Ну уж нет, Юра. Ты так просто не отделаешься. Мой ночлег тебе ещё придётся заслужить.

– Жаль, не во всех гостиницах такие тарифы, – сказал я, и мы снова засмеялись.

* * *

Джаз лился из старого приёмника вперемешку с шипением радиопомех. На включенной газовой плите шкворчала сковородка, стреляя брызгами масла. Стиральная машинка, которая из-за недостатка места тоже оказалась на кухне, неторопливо крутила мои вещи, гипнотизируя монотонным ритмом.

На стилизованных под камень стенах висели плакаты Луи Армстронга, Чарли Паркера и ещё каких-то незнакомых мне чернокожих мужчин. У всех были надуты щеки, в руках труба или саксофон.

Ира поставила передо мной чашку свежесваренного кофе.

– Бывший парень подсадил, – сказала она, заметив мой взгляд, – пожалуй, любовь к джазу – его единственная положительная черта.

– Парень? Ты с кем-то встречалась?

– Ну да. А тебя это удивляет?

– Нет-нет, почему. Просто ты была всегда такая... эм...

– Шлюшка? – лукаво улыбнулась девушка.

Глубоко на бессознательном уровне я ощутил, как прямо в этот момент где-то громко захохотала Мириам.

– Ну... – замялся я, – не то, чтобы шлюшка... скорее... я бы сказал... Чёрт. В общем, да.

Я уже предвкушал вагоны ядовитых подколок, которые непременно обрушатся на меня при первой же встрече с язвительной черноволосой галлюцинацией.

Ира же нисколько не обиделась на грубое признание. Она лишь пожала плечами и, запрыгнув, уселась на стиральную машинку.

– У нас были свободные отношения, – сказала она, – других я в принципе не признаю.

– То есть вы...

– Ага. Спали с кем хотели и когда хотели. Класная штука, скажу я тебе.

– Эм... ну да. Звучит неплохо, – неуверенно согласился я.

– Да нет, Юр, ты не понял. На самом деле фишка вовсе не в том, чтобы безнаказанно падать в постель с первым встречным. Хотя и это, безусловно, здорово. Но всё-таки главный плюс – это отсутствие ревности. Как можно ревновать человека, если вы заранее договорились об изменах? Нет, даже не так. Это ведь и изменой назвать нельзя. Измена – это предательство. Но если твой парень не против того, чтобы ты спала с другими мужчинами, разве это будет предательством?

– Нет.

– Разумеется, нет. Когда убиваешь в себе чувство собственности, всё становится гораздо проще. Появляется настоящее доверие.

– Даже так?

– Ага. Подумай сам, в любой паре половина всех ссор происходит из-за того, что один подозревает другого в неверности. Люди отчитываются друг перед другом. Злятся, если не получают доказательств любви. Но ведь согласишься, Юрка, любовь не нуждается ни в каких доказательствах.

– Соглашусь.

– Ну вот. А когда люди относятся к этому проще, то и физическая близость теряет сакральный смысл. Ну переспал мой парень с кем-то этой ночью, и что? Я знаю, что утром он уже будет у меня. А если я попрошу, то и в ту же ночь. Потому что, несмотря на всю сексуальную свободу, любит он меня одну. И тогда, вместо глупых ритуалов, завязанных на принадлежности друг другу, между людьми появляется настоящая близость – духовная. Ты доверяешь ему, понимаешь с полуслова, не пытаешься переделать под себя и держать на коротком поводке. И он, в свою очередь, знает, с кем я по-настоящему счастлива.

– Кругом одни плюсы, – с сарказмом заметил я.

– А разве нет? – пожала плечами Ира, – ты получаешь свободу и разнообразие, а платой за это оказывается отсутствие ревности. По-моему, отличная сделка.

– И общественное осуждение.

– К хуям общественное осуждение! – взмахнула руками девушка. – Какое мне дело до того, что говорят эти старые бабки на лавочке у подъезда? Шлюха? Да, блин, называйте, как хотите! Это моя жизнь и лишь я выбираю, что мне нравится, а что нет. И вообще, кто сказал, что многочисленные половые связи – это плохо? Человек, не слышавший про контрацепцию? Нет, разумеется, если ты безответственная дура, которая уверена, что в третьи лунные сутки забеременеть нельзя, а венерические заболевания передаются только по пятницам, то тебе не то, что свободные отношения, тебе, блин, железный засов между ног вешать надо. Но, если ты взрослый человек, который способен нести ответственность за собственные поступки и отдавать отчёт своим действиям, то почему ты обязан всю жизнь спать лишь с одним человеком? Это всё равно, что прийти в загс и написать в их дурацкой книжке: «торжественно клянусь, что отныне буду есть только борщ». А потом, если ты, не дай бог, решил попробовать солянку, то общество тут же назовет тебя аморальной тварью. «Нет, вы видели? Она ест направо и налево! Вчера, пока борщ готовился на плите, она, сука бесстыжая, сожрала лист салата! Представляете?! Прямо на той же кухне!»

Я засмеялся. Сравнение мне понравилось, хоть мысль и не была новой. Ира же не унижалась:

– «Да-да-да! А вчера её знаете, где видели? В ресторане!» – «Ох ты, боже мой! В ресторане?!» – «Да! Она ела сразу три блюда! И компот!» – «Господь милосердный! Компот? Прямо в рот? Вот гурманка-то! Да разве ж так можно?» И всё. Ты уже не женщина, ты – гурманка, безнравственная стерва, думающая не головой, а желудком. Понимаешь, насколько это всё глупо?

– Окей-окей, понял тебя. Скажи только одну вещь. Если всё так здорово, то почему вы с парнем теперь не вместе?

Ира скривила лицо, будто съела несвежий лимон.

– Потому что он оказался безответственным мудаком, – с презрением бросила она. – Пойми, Юра: свободные отношения – это круто, но они – не лекарство от всех проблем. Да, с моим бывшим вышла не самая приятная история. Но, блин... Один неудачный эксперимент ещё не означает ущербность всей теории. В общем... Блин!!! Рататуй!

Я обернулся и увидел, что из сковородки валит дым. На кухне повис запах горелых овощей и выкипевшего масла.

Неловким движением Ира переставила сковороду на выключенную конфорку, закашлялась, открыла окно и стала размахивать полотенцем, выгоняя на улицу запах гари.

– Блин... – девушка кисло посмотрела на получившееся месиво, – по-моему, трахаюсь я гораздо лучше, чем готовлю. Эх... жаль. Хотела тебя порадовать. Я встал со стула и подошёл к девушке, осторожно приобняв сзади.

– Есть и другой вариант... Гурманка, говоришь? – шепнул я ей на ухо.

Ира повернула ко мне голову, лукаво улыбнулась и, невинно похлопывая ресничками, указала глазами в сторону стиральной машинки.

* * *

За окном опустилась ночь. Мы сидели на кухне и под звуки джаза с аппетитом уплетали подгорелую яичницу.

– Чёрт. Хотел ведь позвонить сёстрам, – с досадой вспомнил я.

– Позвони завтра, – пожалала плечами Ира, – ты же не собираешься завтра уезжать? Я должна показать тебе Томск. Погуляем по центру, свожу тебя в наш универ, он шикарный, вот увидишь.

– Хм... заманчивое предложение.

– Кстати. Ты так и не сказал, куда едешь.

– Если бы ещё сам знал.

– Не поняла, – удивилась Ира, – то есть как это?

– Ну... в общем... Я ищу кое-что. Кое-что не совсем обычное. Как бы тебе объяснить...

Ты сказку про Андрея-стрелка читала в детстве?

– «Поди туда – не знаю куда»?

– Ага, «принеси то – не знаю, что». Вот это прямо про меня.

Ира отложила вилку и повернулась на стуле. Чуть наклонив голову, девушка посмотрела на меня с любопытством в глазах.

– Ну-ка, ну-ка, Андрей-стрелок. Поведай мне, куда держишь путь и что за диковинку ищешь?

– Это не так просто объяснить.

– А ты попробуй.

– Ты наверняка подумаешь, что я сумасшедший.

– Разве я об этом уже не говорила?

Я усмехнулся, а затем задумался. А ведь, пожалуй, Ира и правда сможет поверить мне. Помнится, в школе она, как и я, увлекалась эзотерическими практиками, захлеб зачитывалась Кастанедой и изучала славянские мифы, воспринимая их даже слишком серьёзно. Пару раз

ей удавались и осознанные сновидения, хоть она и не зашла в них настолько же далеко. Так почему бы не рассказать ей о Мириам?

Ира слушала, в буквальном смысле раскрыв рот. Я видел, как менялось её лицо с каждой подробностью истории. Неподдельное удивление, суеверный страх и детское восхищение перед эзотерическими чудесами заставляли её смотреть на меня, как на религиозного пророка. Когда я закончил рассказ, глаза Иры превратились в идеальные окружности.

– Это. Просто. Твою. Налево. – отчеканила девушка. – Блин, ты ведь не смеешься надо мной?!

– Разве похоже?

– Охренеть! И часто ты её видишь?

Я посмотрел за спину Иры. Там в углу кухни, скрестив руки, стояла Мириам, одетая в чёрную рубашку с фиолетовым поясом. Она смотрела на меня со злой усмешкой на губах. По её глазам было видно, что Мэри совсем не рада моему откровению.

Ира поймала мой взгляд и побледнела. Вскрикнув, она подскочила со стула, спрятавшись у меня за спиной. С губ Мириам сорвался презрительный смешок.

– Она что, стоит *там*? – дрожащим голосом произнесла Ира.

Я не ответил. Глядя в глаза Мэри, я беззвучно прошептал одними губами:

– Прошу. Позже.

Мириам пожала плечами.

– Развлекайся, – равнодушно сказала она и исчезла.

– Юра, ответь мне, – умоляла Ира

– Да. Она была здесь. Но сейчас её уже нет.

Ира затряслась и впиалась мне ногтями в плечо.

– Юра, блин, скажи, что ты шутишь!

Я встал и повернулся к испуганной девушке. Крепко обнял её, чтобы успокоить.

– Не переживай. Она не причинит тебе никакого вреда. Пойми, она – мой ангел-хранитель.

– Ангел?! Какой к чёрту ангел, Юра?

– Умоляю, только не говори про психиатра. Я всё равно к нему не пойду.

– Да какой психиатр! Я не об этом, Юра. Разве ты не понимаешь?

Теперь Ира смотрела на меня с ужасом, словно я был одержим и вот-вот начну лазать по стенам, закинув ноги за голову.

– Ты правда не понимаешь, что это? Юра, это демон!

Я не выдержал и усмехнулся.

– Не говори ерунды. Если так, я давно был бы мёртв.

– Юра, алло! Ты хоть раз слышал, чтобы ангелы показывались людям? Разговаривали с ними? Просили о чём-нибудь?

– Эм... Ну вроде Гавриил...

– Не пори чушь!

– Ира, послушай. Вся моя история выглядит, как полная чушь. Но, несмотря на это, она правдива от первого до последнего слова. Пойми, если бы не Мириам, то мой труп уже давно доедали бы черви. Пару месяцев назад я думал, что в жизни нет никакого смысла. Мой лучший друг погиб в горах, девушка изменила, а мать предала память отца. Я хотел вскрыться, как последний слабак! Знаешь, кто остановил меня? А год назад, когда застал мать в постели с этим жуликом, я был готов убить его. Этот придурок из девяностых вечно носит с собой заряженный ствол. Тогда он лежал прямо на тумбочке в прихожей. Отгадай, кто удержал меня? Разве так поступают демоны? Нет, Ира. Помню, когда был ещё совсем маленький, меня мучили ночные кошмары. Какая-то чёрная рогатая тварь приходила в мою комнату каждую ночь. Она садилась на кровать, смотрела из темноты, не моргая, а потом хватала за шею своими волосатыми

руками и начинала душить. Родители не верили мне, ведь никаких синяков не оставалось. Но каждый раз, отправляясь спать, я знал, что это опять повторится. Когда выключался свет, я вздрагивал от каждого шороха. И он приходил. Криво улыбался в темноте, что-то шептал, а потом снова начинал душить. Пока однажды я не почувствовал, как кто-то стоит за изголовьем моей кровати. Кто-то сильный и добрый, тот, кто был способен напугать ночного гостя. Сзади появился голубой свет, и этот кто-то вложил в мою руку маленькое светящееся копье. Я кинул им в призрака, и он исчез! Исчез навсегда. Тогда я ещё не знал, кто помог мне избавиться от рогатой сущности. Но сейчас я знаю – это была Мириам. Она всегда была рядом. Просто я ещё не был готов встретиться с ней. А теперь я могу её видеть. Понимаешь?

Ира всё также испуганно косилась в сторону угла комнаты, где минуту назад стояла Мириам. Девушку била нервная дрожь, и я не представлял, как её успокоить. Успел тысячу раз пожалеть о том, что вообще начал этот разговор.

– Она – мой ангел, Ира. Она пришла два года назад, но точно знаю: это случилось гораздо раньше. Мириам всегда была рядом, я чувствую. Знаешь, иногда мне кажется, что я потерял частичку каких-то важных воспоминаний. Я не помню своего первого поцелуя, не помню, как вместе с отцом мы ходили в поход. Когда пытаюсь воскресить в памяти те дни, то вижу лишь бледно-голубой свет, и мне кажется, что всё это связано с ней. Мне кажется, она была там... Я видел её, но забыл. А два года назад она открылась, она пришла в сновидении. В первый день весны. Как оттепель после зимы. Как луч света, разбивающий мрак. Разве так приходят демоны? Разве они спасают людей?

Ира пристально посмотрела мне в глаза и окаменела, словно увидела в них смерть.

– В первый день весны? Первого марта?

– Да.

Она оттолкнула меня.

– Уходи.

– Что?.. Постой, что случилось?

Девушка побежала в ванную, сняла с верёвки мои выстиранные вещи и кинула их на рюкзак в коридоре. Затем издала какой-то нечленораздельный звук, напоминающий то ли всхлипывание, то ли стон раненого животного. Она опёрлась о стену, схватилась за лицо и стала глубоко дышать, пытаясь успокоить нахлынувший приступ истерики.

– Ира... Что происходит?

– Юра, уходи... Прости меня. Но тебе нужно уйти. Прямо сейчас.

– Почему?! Объясни!

Сказать, что я удивился – ничего не сказать. Я был в шоке. Школьная подруга, которая час назад выкрикивала моё имя в постели, сейчас выгоняла меня на улицу. Посреди ночи.

– Может, скажешь, что случилось?

– Что случилось?! Ты совсем придурок!? Ты не понимаешь, с кем ты связался?! Вспомни, что я тебе рассказывала в школе! Про женщину, которая мне снилась!

– Ира, поверь, Мириам не причинит зла. Она добрая и...

– Господи, ты действительно придурок! Это не демон! Это Морана! Блин, блин, блин, господи, что я несу, – Ира начала всхлипывать. – Юра... убирайся. Умоляю, уйди отсюда. Я не хочу в это верить, всё это какой-то бред, но я не могу... Я не могу успокоиться, пока ты здесь. Уходи, пожалуйста.

Что-то внутри меня оборвалось, и я вдруг стал спокоен. Было уже всё равно.

– Хорошо, – холодно ответил я, – уйду. Дай мне пять минут.

Молча прошёл мимо девушки. Достал из рюкзака чистые вещи. Выстиранные закрутил в пакет и сунул их в боковой карман. Надел джинсы. Прошёл в спальню и снял телефон с зарядки. Пробежался глазами по квартире, проверяя всё ли забрал. Надел футболку, поверх натянул толстовку. Затем закинул за спину рюкзак и, не говоря ни слова, ушёл.

Пока ждал лифт, в голове не было мыслей. Словно на автопилоте я зашёл в кабину, нажал кнопку первого этажа и поехал вниз. Лишь на выходе из подъезда противное пиликанье домофона вернуло в реальность. Я огляделся по сторонам.

Типичный спальный район. Ничем не отличающийся от таких же застроек в других уголках страны. М-да уж...

И куда идти? Снова на дорогу? Но автобусы уже не ходят, и придётся шагать через весь город.

Я увидел беседку на детской площадке и решил посидеть в ней, пока не придумаю, что делать дальше. Внутри валялись пустые бутылки из-под пива, шелуха и куча сигаретных бычков. Выбрав место почище, присел на скамейку и закурил.

Телефон завибрировал и коротко пропищал. Я прочитал сообщение. Оно было от Иры. «Прости меня, Юр. Будь осторожен».

В конце была прикреплена ссылка на какой-то сайт. Я открыл его.

На картинке была изображена бледная девушка с длинными тёмными волосами и иссиня-чёрными глазами. Она стояла на фоне полной луны, окружённая бледно-голубым сиянием, в длинном пурпурном платье.

Внизу был текст:

«Морана – божество славянской мифологии. Богиня холода, мрака, ночных видений и чародейства. Также известна, как Марена, Мара. Одно из самых древних, таинственных и смутных божеств в языческих поверьях славян. Время её поминания – первое марта, первый день весны. Имя Мораны дало начало таким словам, как: мор, морок, мрак, марево, морочить, и часто отождествляется с именем Смерти».

Мои ладони вспотели, а по спине прокатился холод.

Подул ветер.

– Смерть? Даже так?

Я вздрогнул и выронил телефон из рук. В проходе беседки на фоне ночного неба и полной луны стояла Мириам, одетая в короткое пурпурное платье.

* * *

Она стояла, скрестив руки на груди и чуть наклонив голову набок. Смотрела с любопытством кошки, что от скуки играет с израненной мышью. Она преобразилась в темноте. Её глаза потеряли синий оттенок и теперь напоминали две бездонные пропасти, в которых царила вечная ночь.

Я вглядывался в знакомые черты лица и не мог избавиться от страха, какой испытывает человек, вдруг оказавшийся на волосок от гибели. В голове крутился лишь один вопрос.

– Кто ты, Мириам?

Она не спешила отвечать.

В тишине я услышал удары собственного сердца, что билось с удвоенной скоростью. Инстинкты приказывали бежать и не оглядываться назад. Требовали, чтобы я спасался, позабыв обо всём.

Это бессмысленно. От неё нельзя убежать.

– Я – та, кто хранит твои сны.

Её голос вибрировал, как оперение стрелы. Разрезал воздух бархатным резонансом. Он завораживал и манил, словно пение коварных сирен. Усыплял осторожность и подчинял своей воле. Она не была похожа на девушку, что я привык видеть рядом.

На её губах по-прежнему скользила усмешка, волосы всё так же лились в изящном каскаде. Но взгляд... Взгляд был другим.

– Зачем я тебе, Мириам?

– А я тебе?

Она играла со мной. Не в безобидные полунамёки и остроумные замечания, что доставляли удовольствие нам обоим. Не в привычный пасьянс риторики и логических ловушек. Она играла совсем в другую игру. В мрачную недосказанность, в смертельное переплетение загадок и смыслов.

– Кто ты на самом деле? – спросил я. – Каково твоё настоящее имя?

– А какое из них можно назвать настоящим?

Она сделала шаг. Я попятился. Мириам протянула ладонь и нежно провела пальцами по моей щеке.

– Как зовут тебя?

– Ты знаешь.

– Знаю, – кивнула девушка. – Знаю, мой дорогой. Но скажи, почему именно так?

– Потому что так назвал меня мой отец.

Она улыбнулась. Искренне. Любяще.

– Твой творец. Он дал тебе имя. Разве оно не настоящее?

– Я не давал тебе имени, Мириам. Ты сама его назвала.

– В твоём сновидении. В осознанном сновидении. Разве не твоя воля управляет им?

– Я не управляю тобой.

Девушка положила ладонь на моё плечо. Я не почувствовал тепла её рук.

– Почему ты не дышишь, Мириам? Почему твоё сердце не бьётся?

– Потому что я не жива, мой дорогой. Пока...

– Но ты и не мертва.

– Нет. Не мертва.

– Где же ты сейчас?

– Там, где простираются мои владения – за чёрной рекой, что разделяет миры. Я стою посреди этой реки, и под моими ногами призрачный мост, который мне никак не пройти. Пока...

– Пока я не найду Рецепт?

– Пока *мы* не найдём Рецепт.

Страх исчез. Голос девушки обволакивал, убаюкивал, манипулировал моим сознанием.

– Мириам...

– Да, мой дорогой.

– В том сне... Настасья. Она узнала тебя. Узнала и испугалась.

– Потому что однажды мы встречались.

– В день её смерти?

– Да.

Так просто и откровенно.

И почему мой пульс перестал биться, как сумасшедший? Почему исчезли ледяные тиски, ещё секунду назад сжимавшие лёгкие? Почему, чёрт возьми, мне больше не было страшно?

– Потому что я не причиню тебе вред, – прошептала она над самым ухом. – Ты – мой создатель. Я принадлежу тебе. А ты принадлежишь мне.

– Мириам...

– Да, мой дорогой.

– Кажется, я засыпаю.

– Значит, нам пора идти. Наверх. К звёздам.

Она нежно обняла меня, положив голову на плечо, и на мгновение мне показалось, что я чувствую её дыхание.

* * *

По лазурному небу ползли ватные облака, закручиваясь в причудливые образы. На деревьях тихо шелестела листва. Со стороны леса время от времени подавали голос птицы, стрекотали цикады. Среди сочной зелени трав бежала босая светловолосая девочка.

– Юра! Юра! Смотри, какую штуку мы сделали!

– Это что? Кукла? – улыбнулся я.

– Это чучело! Мы с Олесей будем его жечь!

Алиса вдруг осеклась, посмотрела на меня с хитрым прищуром.

– Ты ведь не скажешь маме? – спросила она.

– Не скажу, обещаю. А можно мне с вами?

– Да, побежали! Побежали, Юра!

Сестрёнка схватила меня за ладонь и потащила за собой. В другой руке она держала соломенную фигурку человека. Вместо глаз у куклы были синие пуговицы, рот нарисован красной помадой.

– Куда мы идём, Алис?

– К реке!

Тёмная вода ползла без единого звука, не отражая солнечный свет. На берегу торчал вкопанный в землю деревянный шест.

– Нужно привязать её, – сказала Алиса.

Она протянула мне моток старой иссохшей верёвки. Я исполнил просьбу младшей сестры.

– Теперь поджигай.

Я пошарил по карманам в поисках зажигалки. Достал её и уже было поднёс к кукле...

– Постой. А как же Олеся? Вы ведь вместе её вязали.

– Мы? Нет-нет! Это ты вязал её, Юра. Ты её создал!

– Правда?

– Ну да. А ты не помнишь?

– Кажется, что-то припоминаю... Да...

На секунду всё вокруг поплыло, и в глазах потемнело, как перед обмороком.

Я тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

Тёмная вода ползла без единого звука, не отражая солнечный свет. На берегу торчал покосившийся деревянный крест. На нём висело чучело в человеческий рост. В фиолетовых тряпках. Вместо глаз у соломенной женщины были синие пуговицы, рот нарисован красной помадой. Она напоминала мне кого-то из далекого прошлого.

Кого?

– Поджигай, Юра.

– Как её зовут?

– Никак, это же чучело!

– Нельзя жечь, не дав ей имя. Иначе в этом не будет никакого смысла.

– Какая разница?! Жги!

Я отошёл от креста и повернулся к сестре. Девочка изнывала от нетерпения, нервно перебирая в руках зелёный пояс, подвязанный на белом платице.

– Как её зовут, Алис?

– Почему ты всё время спрашиваешь? Почему не можешь просто поиграть со мной?!

– Как её зовут?

– Какая тебе разница?!

Я сделал пару шагов назад. Посмотрел на небо. Там ползли чёрные, как уголь, тучи.

Слабость. Темнота. Головокружение.

Тёмная вода ползла без единого звука, не отражая солнечный свет. К покосившемуся кресту была привязана восковая фигура в фиолетовом платье. Вместо глаз у неё были синие пуговицы, рот нарисован красной помадой.

– Назови её имя. Скажи мне, Алиса.

– Не скажу! – чуть ли не плача выкрикнула сестра.

Губы её задрожали от обиды. Детские изумрудные глазки наполнились слезами.

– Алиса! – надавил я. – Немедленно назови её имя!

– Нет!

– Алиса!

– Нет!

– Я приказываю!

– Марена! Её зовут Марена!

Девочка набросилась на меня, оцарапав лицо ногтями.

– Она не заберет тебя! Я не отдам! Не отдам! – кричала сестра в истерике. – Ты не бросишь нас! Я не отдам!

Восковая фигура шевельнула пальцем.

Алиса выхватила зажигалку из моих рук. Подбежала к черноволосой женщине, привязанной к кресту.

– Я не отдам тебя ей, братик! Я верну тебя назад! Я сожгу её! Она чиркнула зажигалкой.

– Нет!

Я схватил сестру за подол платья. Дёрнул, что есть сил. Девочка упала на землю и завизжала.

Сзади прокричал знакомый голос:

– Держи её, Полянский! Держи!

Раздалось шипение, заструился дым от тлеющей пеньки. Бледно-голубой огонь расплавил верёвку, и Мириам спрыгнула с креста. Она поправила юбку и стёрла с лица алую помаду, размазав ладонью.

– Ты за это ответишь, – холодно процедила Мэри, приблизившись к девочке.

Подошва чёрной лакированной туфли опустилась сестре на горло, придавив к земле. Алиса выпучила глаза, схватилась за ногу Мириам, попыталась скинуть её с себя. Длинные ногти разодрали чулок, но не причинили вреда моей подруге. На гладкой белой коже не осталось даже царапины.

– Юра, помоги... Юрочка...

– Заткнись! – Мириам сильнее надавила на шею девочки.

– Юрочка... она убьёт меня...

– Я сказала, заткнись!

Девочка захрипела. Её маленькое тельце забилось в судорогах. Белое платье перепачкалось в грязи.

– Мириам...

– Не слушай её, Полянский!

– Братик... мне больно!

– Мириам, постой...

– Она играет тобой! Твоими сомнениями!

– Юрочка...

– Да сдохни ты уже.

– Мириам!

Черноволосая не слышала меня. Она изо всех сил пыталась сломать шею зеленоглазой девочке. Хотела убить девятилетнего ребёнка.

Мою сестру.

- Хватит!
- Полянский, не мешай!
- Хватит, Мириам!
- Спаси, Юра!
- Я сказал, хватит!!!

Серый водоворот подхватил меня и потащил куда-то вдаль. В ушах застыл детский крик:

- Юра. Это правда я!

Господи, что же я натворил.

* * *

Просыпаюсь. Ворочаюсь в спальнике и не могу понять, где нахожусь. Надо мной сияет диск полной луны. Небо усыпано звёздами.

Ну да, конечно – я ведь лежу на крыше одного из домов.

В груди тревога. Лихорадит.

Я вспоминаю Алису. Она в опасности. Что-то страшное грозит ей прямо сейчас. А я здесь, за сотни километров от дома. И ничего не могу поделать.

Нет... Не отдам.

Позвонить матери? Не поверит. Даже не снимет трубку. Я должен попытаться спасти Алису по-другому. Через сновидение. У меня ещё есть шанс вырвать её из лап черноволосой.

Я закрываю глаза. Засыпаю.

* * *

Алиса лежала на берегу реки. На её шею опустилась подошва чёрной лакированной туфли. Женщина в фиолетовых одеждах склонилась над девочкой.

Я побежал, но вдруг понял, что берег отдалился. Какая-то неведомая сила, словно смеясь надо мной, растягивала пространство, и с каждым шагом расстояние лишь увеличивалось.

Я остановился. Закрыв глаза, развернулся и начал идти спиной вперёд.

Через пару секунд услышал тихие хрипы сестры. Когда они стали совсем близко, я вновь развернулся и открыл глаза. Схватил черноволосую и дёрнул, оттащив её от Алисы.

- Что ты творишь, идиот?!

– Не смей!

– Опомнись, Полянский!

– Не смей делать этого!

– Это лява! Она лжёт!

– Юрочка! Не слушай её! Это Марена! Она врёт!

– Ах ты стерва...

Девушка шагнула к Алисе, но я не позволил приблизиться.

Я толкнул черноволосую и ударил ладонью по лицу. Ведьма ахнула и схватилась за покрасневшую щёку.

– Ты... ублюдок...

– Не приближайся к ней.

– Ты ударил меня!

– Отойди.

– Как ты смеешь поднимать на меня руку? Ты, безвольный слабак! После того, что я для тебя сделала?!

– Уходи, Морана.

Она застыла от услышанных слов.

– Что ты сказал?!

– Я сказал, уходи.

– Как же я тебя ненавижу....

– Юра, я боюсь! Прогони её!

Алиса вцепилась в мою рубашку, спрятавшись за спиной. Она дрожала от страха и боялась взглянуть в лицо черноволосой.

– Чёрта с два я уйду, слабак, – свинцовым голосом произнесла ведьма, – твои сны – это мои владения.

– Лишь я управляю ими.

– Ты не управляешь мной.

Она закружилась в смерче. Посыпались стеклянные кристаллы льда вперемешку с хлопьями снега. Загудела пурга. Непроглядная белая пелена заволокла всё вокруг. Я не видел дальше вытянутой руки.

– Юра!

– Держись, Алиса! Держись крепче!

Я прижал сестру к себе, держа её за руку. В небе загрохотала гроза. То тут то там засверкали фиолетовые вспышки молний.

Нужно улетать.

Я закрыл глаза и представил мощный восходящий поток, отрывающий меня от земли.

– Держись, Алиса.

В ушах засвистел ветер, и берег реки остался далеко под ногами. Вместе с сестрой я уносился к тёмному небу сквозь снежный ураган, сияющий от электрических разрядов. Гром катился по небесам, как грохот призрачной колесницы. На фоне молний мелькал силуэт женщины с распущенными волосами. Она летела среди чёрных грозовых туч, преследовала нас злым неотрывным взглядом тёмно-синих глаз.

– ОН МОЙ, – оглушительным раскатом донёсся ледяной голос.

Я почувствовал, как вздрогнула рука Алисы. Девочка заплакала.

– Алиса?

Я опустил голову и взглянул на сестру. В её изумрудных детских глазках застыли слёзы.

– Что с тобой?

– Мне страшно, Юра! Спаси меня!

Ощущение иллюзорности острой иглой прошило сознание, породив подозрение. Что-то нелогичное, что-то неправильное было в этой ситуации. Слёзы младшей сестры казались мне чуждым элементом картины, чем-то неестественным.

Алиса... Она так редко плачет... Почему я сразу об этом не подумал?

И почему её ладонь так холодна?

– Опять догадался, сукин чёрт...

Синюшная рука покойницы дёрнула меня вниз.

Я закричал. Из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Теперь мы падали. Я и старуха, вцепившаяся в запястье.

Ведьма истерично захохотала и вскочила на мою шею, погнав по небу, как безвольную лошадь. Я мотал головой, дрыгал ногами, в ужасе пытаясь скинуть ведьму с себя. Глаза застилал грязный подол прогнившего савана. С плеч свисали дряблые старушечьи ноги с кусками земли под кривыми ногтями. Ведьма впилась когтями в мою голову и схватила за волосы, словно за гриву. Я заорал от боли.

Сверху донёсся хохот и мерзкий скрипучий голос:

– Вези меня, мальчик! Вези к телу!

Старуха шипела змеёй, хрюкала и визжала как резаная свинья. Захлёбывалась в собачьем лае. Она прыгала на моём хребте, дёргала за волосы, била ногою в бок, чтобы я скакал быстрее.

– Вези, мальчик! Вези резвее!

Я летел и хрипел, подгоняемый рывками безумной ведьмы. Я был схвачен, подчинён, унижен. Рыхлое тело старухи воняло приторной гнилью мяса и свежескошенной травой. Ведьма тряслась в приступах мерзкого хохота, а я давился паникой.

Под нами в безумной пляске гудела вьюга. Облака проносились мимо под свист встречного ветра. Ломаные изгибы молний взрывались внутри вздувшихся чернотой туч.

Боковым зрением я заметил приближающуюся тень.

Бледно-голубой свет прошёл воздух в метре от меня. Ведьма завизжала.

– Вези резвее, сукин чёрт!

Старуха изо всех сил лягнула меня под живот. Я задохнулся от боли и камнем полетел вниз.

Вновь промелькнул тёмный силуэт Мораны.

– ОН МОЙ!

Стремительный удар повалил меня набок и закрутил в воздухе. Черноволосая, как коршун, обрушилась на ведьму, сорвала старуху с моей спины, мёртвой хваткой впившись ей в шею.

Я падал вниз спиной. Над головой, в грозовых тучах, огромная чёрная птица разрывала на части маленькую светловолосую девочку.

* * *

Небо усыпано звёздами. Сияет бледный диск полной луны.

На его фоне на секунду появляется женщина в фиолетовых одеждах. Она летит по небу и скрывается за чёрными силуэтами многоэтажек.

Но ведь я же не сплю...

Впрочем, какая разница? Я должен разобраться, что происходит. Я чувствую, как что-то ломается внутри меня.

Ворочаюсь в спальнике и закрываю глаза. Засыпаю.

* * *

Я огляделся по сторонам, не понимая, где нахожусь. Бревенчатые стены и низкие потолки давили темнотой. Помещение крохотное, словно склеп. Может, это всё? Я умер?

Нет. Конечно, нет. Я мыслю, следовательно, ещё существую. Никакой это не склеп, а просто тёмная и пропахшая дымом изба. Посреди комнаты расположился дубовый стол, на котором стоял стакан с оплившей свечой. В размытом пятне света, по разные стороны, застыли две девушки. Одна зеленоглазая, с длинными светлыми волосами, спадающими до бёдер, и лёгким румянцем на щеках. На ней было летнее белое платье с зелёным поясом, на груди венки из полевых цветов.

Напротив, гордо выпрямив спину и скрестив руки на груди, стояла бледная девушка с чертами лица хладнокровной аристократки. Пламя свечи плясало в её тёмно-синих глазах. Из-под каскада чёрных волос, напоминающего воронье оперение, выглядывали серебряные серьги с огранёнными аметистами. Рукава фиолетовой рубашки были закатаны до локтей, и юбка-колокол чуть помята.

Девушки стояли недвижимые, застыв, как восковые фигуры. В комнате не раздавалось ни единого звука, за исключением тихого шипения фитиля свечи.

Я зажал пальцами нос и вдохнул. Вдох удался.

Обойдя комнату по кругу, обнаружил дверь, которую тут же попытался приоткрыть. Дверь не поддавалась. Попробовал пройти сквозь неё, но, даже закрыв глаза, вновь и вновь упирался в шершавую поверхность необработанных досок.

Я был заперт.

Странное чувство шептало в груди. Я знал, что должен подойти к столу, встав между окаменевшими женщинами. Поднять руку. Отдать немой приказ...

Настасья шевельнула пальцем. Морана моргнула.

– Оживите, – приказал я.

Настасья ломано повела плечами, словно статуя, рвущая окаменелости на своих гипсовых суставах.

Морана продолжала стоять неподвижно, пока невидимая сеть полностью не растворилась, прекратив сковывать её движения.

Пламя свечи разделяло соперниц. Злобная ведьма по правую руку, смертоносная богиня по левую. Это не было поединком, в котором сошлись две убийственные силы в схватке за мои сновидения. Нет, я знал и чувствовал: в данную секунду лишь моя воля царит в этой комнате и определяет реальность. Я стоял во главе стола, уверенный в том, что девушки не посмеют даже дёрнуться без моего приказа.

Это не был поединок. Это был суд.

Я повернулся к блондинке. Процесс начался.

– Настасья. Приказываю тебе объясниться. Скажи честно и без утайки: кто ты есть и что делаешь в моих сновидениях?

– Будь по-твоему, – хищная усмешка скользнула на лице молодой ведьмы, – я расскажу тебе всё, мальчик мой.

Настасья махнула головой, закинув за спину светлые косы. Она по-змеиному облизнула губы и начала свою речь, маслянистым голосом вливаясь мне в уши:

– Я умерла двадцать лет назад, мой мальчик. В этом мне помогла та, которую ты считаешь другом, – девушка кинула короткий враждебный взгляд в сторону соперницы. – Мать предостерегала о ней перед смертью. Уходя в последний путь, она передала свой дар и сказала лишь одну фразу: «Не бойся никого, Настасья, кроме той, что станет приходить к тебе по ночам. Её зовут Марена». К сожалению, на тот момент я была также молода, как и ты, мой мальчик. Мне не хватило мудрости, чтобы осознать всё коварство и опасность царицы ночных кошмаров. Марена поступила подло. Она обернулась моей матерью. Она мучила меня мороком, водила за нос, приходя по ночам в образе покойницы. Марена изводила меня, не давала спать, не давала есть. Стоило мне лишь на секунду успокоиться, как она вновь пугала меня. Призрак матери возникал в тёмных углах, смотрел из зеркал, шептал проклятия над самым ухом.

Я поёжился от слов Настасьи. В её последних словах без труда угадывалась любимая привычка Мириам – появляться из ниоткуда в самый неожиданный момент.

– Это продолжалась день ото дня, мой мальчик. Я потеряла сон, потеряла аппетит, не могла нормально мыслить. Я даже решила пойти к священнику, о котором на весь посёлок шла слава последнего кобеля. Другого выхода не оставалось. Это он дал мне верный ориентир. Глупая наивная девочка, если бы я послушала его в тот момент, всё могло сложиться иначе. Но, как и ты, я слишком любила свой дар. Я упивалась властью, которую дарили мне выходы из тела, ведь в сновидениях я была царицей. Я могла летать, могла обернуться любым животным, могла упиваться нектарами наслаждений. Я срывала завесы тайн и познавала секреты природы. Освобождаясь от физической оболочки, мой дух становился свободным, как ветер, моя воля была подобна воле богов, и сама реальность покорялась моим желаниям, превращаясь в пластилин, из которого я лепила собственную сказку. Всё это так знакомо тебе, не правда ли, мой мальчик?

– Продолжай, – тихо произнёс я.

– Конечно. Я расскажу тебе свою историю, и, быть может, ты не повторишь ту ошибку, которую когда-то совершила я. А ошибка, мой мальчик, заключалась в том, что я не поняла очевидную вещь. Та женщина, что приходила ко мне по ночам, никогда не была моей матерью. Она была той, о которой мать предупреждала меня. Марена – злобное существо, насылающее

кошмары и несущая погибель. Меняющая лики подобно тому, как тени меняют свою форму в лунном свете. Она знает все твои секреты, мальчик, все твои грехи и тайные желания. Она обращает твои мысли против тебя же и, в конце концов, сводит с ума, обрекая на смерть.

Чем дальше я слушал Настасью, тем больше боялся посмотреть налево, где с язвительной усмешкой стояла черноволосая. Она терпеливо молчала и смотрела на соперницу с нескрываемым презрением.

Настасья продолжила:

– В конце концов, я проиграла, мой мальчик. Лишь перед самой смертью, наконец, узрела истинное лицо Марены. Когда она поняла, что мой конец близок, призрак матери вдруг расплылся в бледно-голубой дымке, и Марена показала свой настоящий облик. Ужасный облик, мой мальчик! Ты не представляешь, насколько кошмарно её истинное лицо, скрывающееся за маской той красавицы, какой она приходит к тебе.

Я смотрел на ту, что называл когда-то Мириам Ларейн де Рев. И с нарастающим ужасом начинал понимать, насколько опасной была игра, которой я с упоением отдавался последние два года.

Маслянистый, влажный голос Настасьи проникал в мою голову, открывая глаза на то, что стоило понять гораздо раньше:

– Посмотри на неё, мой мальчик, посмотри. Ты видишь их? Видишь дьявольские костры в её бездонных глазах? Внимательнее, мальчик, смотри внимательнее. Рядом с тобой не простая девушка. Она вообще не человек. Чёрное, лукавое, нечистое существо. Её зовут Марена. Ох, как же ты заигрался, мой мальчик! Как был глуп, когда решил довериться ей. Она – самая коварная, самая опасная тварь, что населяет ночные кошмары. Ты думал, она защищает тебя от призраков? Бережет твой сон? Скажи мне, мальчик, а какого чёрта к тебе вообще начали приходить ночные гости? Кто насылал на тебя демонов и пугал по ночам тёмными силуэтами? Смотри, мой мальчик, смотри внимательнее. Видишь эти острые черты лица, видишь бледную кожу? Почему она бела, как труп, если никогда не умирала? Ты ведь понимаешь, мой мальчик? Догадка уже пришла в твою светлую голову? Марене нет никакой нужды умирать – она изначально мертва. Её чёрное сердце никогда не билось и никогда не будет биться. Смотри, мой мальчик, смотри внимательнее. Перед тобой не человек, перед тобой сама Смерть. Чёрная, как её помыслы. Хитрая, как ночной хищник. Безжалостная, как и её хозяин. Неужели ты думал, она твоя? Как же ты наивен, мой мальчик. У Марены лишь один хозяин – тот, что раздувает угли под бурлящим котлом. Да, мой мальчик, они уже приготовили котёл для тебя. Осталось совсем немного, и твоя душа будет вечно страдать в кипящей смоле. Вот, что даст тебе Марена. Вот, какой дар ты получишь от неё на прощание. Смотри, мой мальчик, смотри внимательнее. И ты увидишь, как...

– *Отче наш, сущий на небесах...*

Настасья поперхнулась на полуслове. Бешеными глазами выпучилась на Мириам. Та показала ей средний палец и продолжила:

– *Да святится имя Твоё, Да придёт царствие Твоё, да пребудет воля Твоя и на земле, как на небе...*

Настасья завизжала, закорчилась, изогнувшись в три погибели.

– Замолчи! Замолчи!

– *Хлеб наш насущный дай нам и на сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...*

– Не смей! Заткнись!

– Сама заткнись, стерва! ...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Настасья захрипела, зажала уши руками. Казалось, слова Мириам обжигают её раскалённым железом. Ведьма упала на пол, забилась в конвульсиях, заскулила, как раненная собака.

Мириам замолчала. Она равнодушно наблюдала, как затихают судороги на искривившемся лице Настасьи. Затем повернулась ко мне, смерив презрительным взглядом.

С большим трудом я смог выдавить всего пару фраз:

– Мириам... Ничего не понимаю... Прости.

– Да пошёл ты.

Девушка развернулась на каблуках и направилась к выходу.

– Мириам.

– Разбирайся с ней сам.

Она вышла, громко хлопнув дверью.

Я остался в комнате наедине с призраком мёртвой ведьмы. Колдовское наваждение спало, и я уже видел не светловолосую девушку, но сгорбленную и сгнившую покойницу, что корчилась на полу. Она кричала скрипучим голосом:

– Сукино дитя, ты сдохнешь! Сдохнешь в страшных муках! Я заберу твоё тело!

По крайней мере, стало ясно, кто здесь друг, а кто враг.

Я с брезгливостью подошёл к беспомощной старухе. Ногой перевернул её на спину и каблуком ботинка придавил горло к деревянному полу.

– Бурлящий котёл, говоришь? – сказал я. – Вечно гореть в кипящей смоле? Это пугает, да. Вот только скажи-ка мне, Настасья, если ад и в самом деле существует, то какого хрена ты ещё не в нём?

– Ты сдохнешь! Сдохнешь!

– Конечно. Но не сегодня, – покачал я головой, – убирайся навсегда из моих сновидений.

Я надавил ногой на дряхлую шею. Ведьма захрипела и вцепилась когтями в ботинок.

– Братик... Братик, что ты делаешь? – зазвенел детский голосок.

Алиса посмотрела на меня изумрудными глазками, полными слёз. Я не убрал ногу.

– Чёрта с два, Настасья. Второй раз этот номер не пройдёт, – я надавил ещё сильнее. – Я наконец-то вспомнил. У моих сестёр голубые глаза.

Последнее усилие. Треск сломавшихся позвонков. Серый водоворот.

* * *

Погасли звёзды на небе. Потускнел диск полной луны. Вдалеке на востоке занимался рассвет.

Я лежал в отсыревшем спальнике и чувствовал: что-то сломалось внутри меня.

* * *

Возможно, кто-то всерьёз считает, что провести ночь на крыше – это романтично; что душа на рассвете начинает трепетать от восхищения, и сознание очищается от грязи, по мере того, как над горизонтом пробиваются первые лучи солнца. Скорее всего, такой человек просто никогда не ночевал под открытым небом.

В то утро моя душа и не думала трепетать. А вот тело – да, тряслось, словно в предсмертных судорогах. Тонкий спальник, в который я укутался ночью, не спасал от предрассветного холода; к тому же он ещё и промок насквозь. Как, впрочем, и вещи, которые я оставил сушиться на телевизионных антеннах.

Стуча зубами, вылез из импровизированной постели и попробовал немного согреться, прыгая на месте. Когда дышал на окоченевшие ладони, изо рта шёл пар. Мышцы слушались с трудом, и я боялся, что за ночь успел застудить себе почки, уснув на холодном бетоне. Я, конечно, выстелил под спальником целый слой теплых вещей, но, как оказалось, они не очень хорошо держали тепло.

Успокаивало лишь то, что за ночь на небе почти не прибавилось облаков, а значит, хоть не попаду под дождь. К тому же на востоке уже занималась розовая заря. Совсем скоро солнце выйдет из-за горизонта, его свет просушит и согреет воздух.

Я присел на край крыши, опасно свесив ноги над пропастью высотой в восемнадцать этажей. Достал сигарету из помятой пачки и закурил, глядя, как в окна домов загорается свет. Странно. Сегодня же выходной. Зачем эти люди встали так рано?

Я вновь поёжился. Мать твою, ну и дубак!

А ведь мог сейчас спать в теплой постели под мягким одеялом, прижавшись к Ире. Слушать лёгкое дыхание подруги, а не надоедливое курлыкание вездесущих голубей. Но нет же, потянул меня чёрт за язык. Ведь знал, знал изначально, что ничего хорошего из этого откровения не выйдет. На что надеялся? На то, что Ира объяснит мне, где и как искать этот Рецепт? Глупость. С чего ей быть в курсе о нём? Нет, не стоит обманывать себя. Я рассказал о Мириам лишь для того, чтобы произвести впечатление. Хотел повысить самооценку и предстать в глазах подруги загадочным магом. А предстал оккультистом и дебилом. Бывает.

С другой стороны, разговор с подругой помог родиться вопросам, которые уже давно назревали в моей голове. Ведь не Ира, совсем не Ира, внесла в мою душу искру сомнения. Не она, и даже не Настасья, раздули эту искру, превратив её в раздражающую неуверенность и дискомфорт, что подобно тлеющему торфянику обжигал и дымил, залегая глубоко внутри. Предостережения, которые мне пришлось вчера выслушивать, всего лишь указали на существующую проблему. Они разрезали темноту прожекторным светом, оголив мои собственные мысли и поселившуюся в душе настороженность.

Мириам... Мириам... Кто же ты?

Я так часто задавал этот вопрос, и каждый раз находил успокоение в самообмане. Постоянно склонялся к одной и той же версии и закрывал глаза на очевидные нестыковки и противоречия.

Мириам... Ты не просто девушка из снов. Ты не обычный человек...

Я перестал отличать реальность от сновидений. Воображаемая подруга, призрак мёртвой ведьмы – те вещи, что пару лет назад показались бы мне плодами большой фантазии, сегодня стали вполне естественными. Я словно вышел из тела однажды и теперь никак не мог вернуться назад, продолжая падать в чёрную бездну бессознательного. Во сне любая, даже самая неправдоподобная, вещь кажется вполне логичной. Теперь то же самое стало происходить со мной и в реальности. Да и сама реальность уже не казалась такой уж и явственной. Она, будто теряла плотность, растекалась и путалась в мелких деталях.

Я посмотрел вниз. Деревья, детская площадка, припаркованные автомобили – с высоты все они казались игрушечными, что только усиливало мои подозрения. А что, если я и правда давно сплю?

Тогда я могу летать...

Острое любопытство пронзило меня до самых пяток. Был лишь один способ проверить – оттолкнуться от каменного края крыши и рухнуть вниз, доверившись восходящим потокам воздуха. Я неуверенно смотрел на собственные ноги, представляя, как они с нарастающей скоростью приближаются к асфальту. В ушах свистит ветер, окна многоэтажек сливаются в размытую ленту. Что произойдет дальше? Взлёт к небесам? Перелом позвоночника? Или и то, и другое, но в обратной последовательности?

Что-то внутри меня шептало, уговаривая прыгнуть. Это ведь так просто. Раз. И всё. Никаких сомнений, никаких переживаний. Не надо бесцельно колесить по стране, не надо думать о том, где найти ночлег в плохую погоду. Все проблемы можно решить прямо сейчас. Нужно лишь слегка оттолкнуться...

– Так, стоп! – опомнился я и тряхнул головой, отгоняя дурные мысли.

На всякий случай слез с каменного бортика и отошёл подальше от края. Стало страшно. На секунду я и вправду был готов прыгнуть. Даже сейчас какая-то часть меня умоляла подойти обратно. Взглянуть вниз. Закрывать глаза. Расправить руки...

Чёрт! Что со мной происходит?

В груди словно раскрылась бездонная пропасть, которая затягивала в себя счастливые воспоминания и размывала яркие краски. Внутренняя пустота убивала желание что-либо делать. Хотелось лечь обратно на мокрый спальник, закрыть глаза и забыть обо всём на свете. Замерзнуть на этой крыше и никуда больше не ехать.

Срочно нужен был собеседник, который разогнал бы серую тучу, нависшую надо мной.

– Мириам, ты здесь? – обратился я в пустоту. Девушка не появилась.

Я устало закатил глаза.

– Мириам, неужели ты будешь обижаться как девочка? Ты ведь всё понимаешь...

По телу прошла сильная чувственная волна – смесь раздражения, ненависти и презрения. Я усмехнулся. Такой внезапный наплыв эмоций был самым элементарным способом общения с подругой; мы использовали его в первые месяцы, когда Мэри лишь начинала переходить в реальность.

Конкретно этот посыл означал, что меня только что отправили на хер.

– Отлично поговорили!

Я приложил два пальца к виску и отсалютовал в пустоту. Катись ты к чёрту, Мириам. Не хочешь разговаривать, и не надо. Без тебя разберусь.

В просветах многоэтажек наконец появилось солнце. Его лучи разогнали утреннюю сырость. Я сел на каменный выступ и достал из рюкзака шоколадный батончик. Листая атлас дорог, неторопливо позавтракал, смакуя каждый кусочек. К сожалению, голод никуда не делся. Я чувствовал, как желудок упрямо требует добавки, но больше еды с собой не было.

Дождавшись, пока просушатся вещи, начал собираться в дорогу. Сегодня в планах было добраться до Новосибирска. Я не имел ни малейшего представления о том, где именно буду ночевать, но, как говорил великий писатель: «Лучший план – это хорошая импровизация».

Или наоборот?

Так или иначе, рюкзак собран, и я готов продолжить своё авантюрное путешествие. Но прежде...

Прежде я должен поговорить с одной знакомой кошкой.

Сев на бетон, вытянул ноги, подложил рюкзак под спину и, глубоко вдохнув, закрыл глаза.

* * *

Гигантские книжные стеллажи выстроились бескрайними стенами. Они уходили вверх под своды древней библиотеки. Сколько я не задираю голову, приходя каждый раз, никогда не мог разглядеть, где же они кончаются. Можно было только догадываться, какие сокровенные знания хранятся в фолиантах, собранных в этом храме.

Здесь царили тишина и полумрак.

В дали между стеллажей горел слабый огонёк. Я знал – советница там. Вопрос лишь в том, примет ли она меня сегодня?

Глубоко выдохнув, неуверенно сделал первый шаг в сторону огонька и остановился. Шагнул снова. Свет не отдалился. Это хороший знак. Уже немного смелее, я прошёл пару метров и, наконец, успокоился, поняв, что Минерва согласна встретиться со мной. Через пару минут я увидел вдалеке очертания массивного письменного стола, на котором горел трехглавый канделябр. Рядом, словно сошедшая с египетского иероглифа, неподвижно сидела сиамская кошка.

Резной стул из чёрного дерева сам собой отодвинулся, приглашая меня присесть. Я выполнил просьбу. Аккуратно, по-школьному, положил руки на зелёное сукно стола.

– Здравствуй, Минерва.

Легкий ветер колыхнул пламя свечей в знак приветствия.

– За последнее время у меня скопилась куча вопросов, – начал я. – Но больше всего меня беспокоит один. Прошу, Минерва, скажи: какие цели преследует Мириам Ларейн де Рев?

Кошка сидела неподвижно ещё пару секунд. Затем, ловко соскочив со стола, скрылась в темноте коридора.

Я ждал. Через минуту она беззвучно запрыгнула обратно и замерла в той же позе, неотрывно глядя в одну точку у меня за спиной.

Я опустил глаза. Передо мной лежала раскрытая книга. Текст расплывался, буквы плясали, но один абзац оставался неподвижным:

«Страж пал второй и третий пробудился. Не скоро встреча с сонной госпожой. У лунной радуги расцветка та же».

Я несколько раз повторил прочитанные фразы, чтобы как следует их запомнить. Я не пытался понять их прямо сейчас – это было бы глупой затеей. На осмысление могли потребоваться недели, а то и месяцы раздумий, поэтому не стоило тратить драгоценное время. Главное – не забыть порядок и расположение слов сразу после пробуждения.

У меня была ещё пара минут. Я продолжил:

– Спасибо, Минерва. Будь добра, ответь на другой вопрос. Какова природа той сущности из снов, что назвалась Настасьей?

В этот раз кошка не стала утомлять себя лишними телодвижениями. Страницы книги сами собой перевернулись, и передо мной высветилась фраза:

«Едва увидев свет, обернись. Погибшие мгновения уже с тобой».

– Большое спасибо, Минерва. Ты позволишь мне задать последний вопрос на сегодня?

Свечи дрогнули в знак согласия.

– Благодарю. Подскажи, как мне найти лунную дорогу?

Минерва медленно повернула голову и посмотрела в глаза. Кажется, она была недовольна. Выждав несколько секунд, кошка снова отвернулась. На страницах книги появилась строфа:

«Кто мудр, услышав раз, тот понимает.

Кто глуп, и в сотый не поймёт,

И лишь дурак глупцу упорно объясняет.

Но повторюсь: на запад, идиот».

Я не успел ни засмеяться, ни поблагодарить Минерву. Резкий порыв ветра затушил свечи канделябра, и сквозь темноту я услышал, как курлыкают надоедливые голуби.

* * *

От Томска я двигался короткими рывками. За пару часов сменил с десятков машин: в основном попадались дачники, решившие выбраться за город на майские праздники. Было уже за полдень, и, судя по карте, я проехал от силы километров восемьдесят. Не критично, конечно. От Томска до Новосибирска всего-то три часа пути. Но я планировал прибыть туда как можно раньше, чтобы решить проблему с ночлегом.

Пока же мне конкретно не везло. Чтобы сэкономить время, стал даже отказываться от попутков, которые ехали недалеко.

Вскоре я устал глотать пыль на трассе и остановился покурить у придорожного кафе с забавным названием «Тёща не дотянется». Не успел сделать и пары затяжек, как рядом припарковался серый «Пежо» с новосибирскими номерами.

Из автомобиля вышла брюнетка лет тридцати на вид, в белой блузке и юбке чуть ниже колен. Поставив машину на сигнализацию, женщина прошла мимо и скрылась в кафе.

Я потушил сигарету и проследовал за ней.

Женщина заказала салат и кофе, после чего присела за столик. Она с кем-то переписывалась в телефоне. Я поразмыслил немного. Затем ради приличия купил у мужичка за прилавком стакан кофе и кусок рыбного пирога, и подошёл к брюнетке.

– Добрый день, – сказал я. – Вы не против, если составлю компанию?

Женщина оторвалась от телефона и посмотрела на меня. Затем окинула взглядом пустые столики и на секунду удивлено подняла брови. Подумав немного, пожала плечами и, улыбаясь, сказала:

– Ну садись, – кивнула она на стул, – хоть поболтаем.

– Спасибо, – улыбнулся я в ответ, – меня зовут Юра. Я из Красноярска.

– Ольга.

– Вы очаровательны, Ольга.

Брюнетка несколько смутилась, но улыбнулась.

– Ага... вот, значит, как, – сказала она. – А ты, гляжу, не промах.

– Ещё бы. С такой женщиной, как вы, промахиваться нельзя.

Брюнетка отложила телефон и посмотрела на меня со смесью заинтересованности и некоторой растерянности.

– С какой – такой? – спросила она.

– С умной и сильной.

– А с чего ты взял, что я умная?

– По глазам видно.

Уголки губ у неё дрогнули. Я понял, что всё получилось.

– Ладно, твоя взяла, – сказала брюнетка. – Садись уже.

– Благодарю. Хотите пирог?

– Нет, спасибо, откажусь.

– Как хотите. Он, наверное, вкусный.

Женщина подумала о чём-то, а затем сказала.

– Слушай, а давай-ка немного погадаем. Судя по рюкзаку и тому, что машины у кафе я не заметила, могу предположить, что ты – путешественник. Значит, автостоп?

– Вы ещё умнее, чем кажется, Ольга.

Брюнетка усмехнулась.

– Немного перебор, дружок. И давай на ты, окей?

– Окей, – пожал я плечами.

– Тогда, если позволишь, продолжу. Итак, Юра из Красноярска. В придорожной забега-ловке паренёк подходит к женщине. Какие цели он может преследовать? Мне в голову приходят два варианта. Первый – он хочет её склеить. Вторым, более правдоподобным, заключается в том, что ему просто нужен человек, который подбросит его до Новосибира. Я права?

– Есть ещё и третий. Паренёк надеется на всё и сразу.

Ольга усмехнулась и подняла вверх большой палец.

– Молодец. Набираешь очки.

– Очень этому рад.

– Ладно... Со вторым я могу тебе помочь. А вот с первым... Впрочем, не будем загадывать.

Женщина подмигнула мне, и я уже забеспокоился, что немного перегнул палку. Хотя почему бы и не да? Кольца у неё на пальце нет. Заодно и вопрос с ночлегом решится сам собой. Главное, я нашёл, с кем доеду до Новосибирска. А там и вправду как пойдёт.

Ольге принесли кофе и салат из овощей.

– Приятного аппетита, – сказал я.

– Спасибо. И тебе.

Мы принялись за еду, и, пока ели, перебросились ещё парой незначительных фраз, а вскоре болтали уже, как давние приятели.

– Расскажешь о своём путешествии? – спросила Ольга. – Куда направляешься?

Я вспомнил, чем закончился мой последний правдивый рассказ, поэтому решил слукавить:

– В Питер. Еду к друзьям на пару недель.

– О, люблю этот город. Если бы не дела в Сибири, пожалуй, переехала бы туда.

– А здесь чем занимаешься?

– Эм... – женщина несколько помедлила с ответом. – В общем, по образованию я филолог.

– А по призванию?

– Ну ты это... Не дави так сразу, Юра из Красноярска, – вновь улыбнулась Ольга. – Вообще я работаю по нескольким направлениям. Есть небольшая фирма, которая занимается генеалогическими исследованиями, плюс параллельно кое-какие политические дела.

– Ого! – удивился я. – Необычно как. Генеалогия – это ведь про родственные связи? И как на этом зарабатывать?

– Ты не представляешь, сколько людей готово платить деньги за то, чтоб я помогла им узнать родословную.

– Много?

– Очень. Но, честно говоря, большинству плевать на память о предках.

– А-а-а... понял. Каждый Ваня метит в дворяне?

Ольга вновь подняла большой палец

– Сечёшь фишку, – кивнула она. – Все поголовно считают, что у них где-то там, по линии двоюродной бабушки, затерялись представители княжеского рода. Разумеется, вероятность этого примерно такая же, как вероятность выиграть в русскую рулетку с «Берретой». Но каждый верит, что именно он – тот самый потомок Потёмкиных, Воронцовых, Юсуповых и так далее.

– Ну по крайней мере, работа интересная.

– Иногда бывает. Хотя в основном – рутина, как и везде. А вообще, нафиг. Планирую завязать с ней в ближайшее время.

– Что так?

– Да блин... Противно.

– Не понял.

– Противно этим заниматься.

– Это я понял. Не понял, почему противно.

– Ну как тебе объяснить...

Ольга отложила столовые приборы, и, откинувшись на спинку стула, посмотрела куда-то в сторону. Немного подумав, она произнесла:

– Понимаешь, Юра, я не тот человек, который привык жить прошлым. Прошлое – это источник знаний, не больше. История страны, семьи, – всё это урок и опыт, который нужно понять, принять и учесть на будущее. Понимаешь, о чём я?

– Да, вполне.

– Вот... А проблема заключается в том, что то самое большинство, о котором я говорила, воспринимает прошлое совсем по-другому. И меня это дико бесит.

– Сейчас опять не понимаю.

Ольга посмотрела на пустую тарелку, стоявшую передо мной.

– Вкусный пирог?

– Чего?

– Ты только что съел пирог. Вкусный был?

– Эм... Ну да, неплохой.

– А этот? Вкусный?

– Какой?

– Ну вот – лежит прямо перед тобой. Выглядит довольно аппетитно. Угостишь?

Я посмотрел на тарелку. Затем на Ольгу. Потом опять на тарелку. Никакого пирога передо мной не лежало.

Заметив мою растерянность, женщина не выдержала и засмеялась.

– Ладно, расслабься, шучу. Пирог ты съел, и его действительно больше нет. Осталось лишь воспоминание о нём.

– Чёрт. Я успел подумать, что кто-то из нас сходит с ума.

– Это действительно так. Согласись, было бы крайне странно, если бы ты стал кормить меня воспоминаниями о пироге.

– Да, пожалуй.

– А большинство людей делает это постоянно. Что это, если не сумасшествие?

Я усмехнулся. Мне показалось забавным, что за последние дни уже второй человек пытается объяснить жизненные взгляды, используя в качестве примера еду. Сначала Ира со своей теорией свободных борщей. Теперь вот Ольга с пирогом, которого на самом деле нет.

– Хорошо, – кивнул я. – Кажется, я понял, о чём ты. Клиенты, которые приходят к тебе, ищут в прошлом поводы для гордости. И это всё равно, что пытаться угостить кого-нибудь съеденным пирогом.

– Браво, – Ольга щёлкнула пальцами. – А ты действительно умный парень, Юра. Да. Так всё и происходит на самом деле. Только есть один важный момент: никто не пытается угостить других. Все эти копания в пыльных антресолях призваны лишь утолить собственный голод – голод амбиций. Прошлые заслуги – прекрасное оправдание для того, чтобы ничего не делать. Зачем вставать с дивана и пытаться изменить свою жизнь, если ты и так по крови князь?

Я промолчал, не найдя ответа. Ольга продолжила:

– Поэтому я и хочу бросить эту работу. Мне она неприятна. Я чувствую себя гнилым политиком, который кормит избирателей сказками о былом величии родины. Ты, кстати, замечал эту закономерность? Когда в стране всё плохо, политики сначала говорят о будущем. Они обещают бурный экономический рост, прогнозируют повышение уровня жизни и снижение безработицы. Потом становится ясно, что на эти сказки уже никто не клюет, и тогда они начинают показывать бесполезные конференции, где обсуждаются национальные стратегии по превращению Васюков в столицу мира. Но, в конце концов, и этого оказывается недостаточно. И в один прекрасный день включаешь телевизор и видишь: там без перерывов на рекламу твердят о прошлых победах; в какой-нибудь студии собирается кучка патриотов, и те под видом дискуссии наперебой судачат о национальных традициях и об особом духовном пути нашего народа. Так вот знай, если такое происходит, то стране не плохо. Стране пиздец.

Я невесело усмехнулся.

– Что-то мне это напоминает, – сказал, допив кофе. – Кстати, насчёт политики. Что за дела ты упоминала?

– Вот это уже занятнее. Как бы тебе в двух словах объяснить... Скажем так: мы с товарищами на некоммерческой основе занимаемся расследованиями. Боремся с коррупцией. Денег это, конечно, не приносит. Одни проблемы.

Я поймал испытывающий взгляд Ольги. Та выждала некоторое время и уважительно кивнула.

– Ещё плюс сто очков тебе, красавчик, – сказала она.

– Эм... За что?

– В отличие от большинства людей, ты не спросил, на кой чёрт мне это сдалось. Почему, кстати?

– Ну... Это же очевидно. Кто-то должен этим заниматься. Думаю, лет через пять, если ничего не изменится, таких людей, как вы, станет ещё больше.

Женщина в мгновение расцвела и улыбнулась мне, как давнему другу.

– Слушай... А ты и правда сечешь фишку, Юра из Красноярска.

* * *

Ольга вела машину легко и уверенно. Чувствовался многолетний водительский опыт. Она соблюдала правила, не превышала скорости, но и не плелась по дороге, как черепаха.

Ещё в кафе я догадался, что Ольга не из тех домашних женщин – читательниц бабушкиных поваренных книг. Нет... Она была другой. Сталь характера, осанка, харизма.

Эта женщина напоминала мне Мириам.

Она была из тех, кто очаровывал не лаской, нежностью или заботой, а острым умом и взглядом. Однажды я видел одну из отцовских любовниц. Ольга была точно такой же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.